

Государственный институт искусствознания
Всероссийская государственная библиотека
иностранной литературы им. М.И. Рудомино
Издательство «Северный Паломник»

ПРЕМИЯ
имени
АЛЕКСЕЯ КОМЕЧА

За общественно значимую
гражданскую позицию
в деле защиты и сохранения
культурного наследия
России

Москва
2015

A sepia-toned photograph of a classical building facade. The image shows a row of three tall, fluted columns supporting an entablature. In the center, above a window, is a relief sculpture of a seated figure, possibly a philosopher or deity. Below the columns are three windows with decorative balustrades. The lower part of the image shows a row of three arched windows with decorative grilles. The entire image has a warm, brownish-orange tint.

Алексей Ильич Комеч
(1936–2007)

Алексей Ильич Комеч родился 8 августа 1936 года.

В 1959 году окончил отделение истории искусств исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

После окончания института, в 1959 году, пришел на работу в Научно-исследовательский музей архитектуры, затем перешел в Научно-методический совет по охране памятников культуры Академии наук СССР. С 1969 года работал там научным сотрудником. В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1989 году – получил степень доктора искусствоведения. С 1989 года занимал должность заведующего сектором истории древнерусского искусства Государственного института искусствознания министерства культуры. В 1990–1991 годах работал начальником отдела охраны культурного наследия Министерства культуры СССР.

С 1991 по 1993 год — директор Государственного научно-исследовательского музея реставрации Министерства культуры России. С 1994 по 2007 год — директор института искусствознания. Умер 28 февраля 2007 года.

Всю свою жизнь Алексей Ильич Комеч посвятил изучению, защите и пропаганде культурного наследия России. В мировом научном

сообществе он был признан как один из самых крупных специалистов в области исследований византийской и древнерусской архитектуры. Он инициатор проекта создания новой Истории русского искусства, автор и научный редактор ее первого тома, автор множества статей и книг, среди которых особенно известны монографии, посвященные древнерусскому зодчеству X – начала XII века, памятникам архитектуры Пскова XII–XV веков. Его монография-альбом «Русские монастыри» была переведена на итальянский, немецкий и французский языки.

Велик его вклад в дело каталогизации, охраны и реставрации памятников архитектуры страны. Благодаря активной деятельности и твердой гражданской позиции Алексея Ильича в деле защиты национального культурного наследия от разрушения и искажения его имя стало широко известным в нашей стране и во всем мире. Его статьи, выступления в средствах массовой информации, подготовленное под его руководством трехтомное издание «Судьба культурного наследия России: Белая книга; Красная книга; Черная книга» позволили сделать вопрос сохранения культурного богатства предметом внимания широких кругов общества, он стал признанным идеологом дела охраны памятников

страны. Занимая на протяжении десяти лет пост заместителя председателя Федеративного научно-методического совета по охране и реставрации памятников культуры при Министерстве культуры РФ, будучи членом Международного совета городов и памятников, членом Совета по культурному наследию при правительстве Санкт-

Петербурга, заместителем председателя Общественного градостроительного совета при Московском комитете по архитектуре, председателем жюри Фонда возрождения русской усадьбы, А.И. Комеч сумел объединить вокруг себя наиболее авторитетных историков искусства, реставраторов, работников органов охраны памятников культуры, архитекторов, художников, журналистов и краеведов, всех тех, кого волнует современное состояние объектов культурного наследия, находящихся на территории нашей страны, дело их сохранения и реставрации. Деятельность А.И. Комеча в области защиты культурного наследия России получила высокое общественное признание. Он был удостоен звания лауреата премии им. академика Д.С. Лихачева за 2006 год.

Маршрут жизни Алексея Комеча

Ольга ПОПОВА,
доктор искусствоведения,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
журнал «Наследие народов Российской
Федерации», № 1, 2007 год

28 февраля 2007 года в возрасте 70 лет ушел из жизни директор Государственного института искусствознания, доктор искусствоведения Алексей Ильич Комеч — один из основателей нашего журнала, фактически председатель его редакционной коллегии.

Краткая летопись жизни А.И. Комеча такова: коренной москвич, мама которого родилась в собственном доме на Щипке (он пока еще стоит), родился 8 августа 1936 года в городе Плавске Тульской области — семимесячным, по дороге из командировки

родителей. До дома доехать не успели. Десять лет спустя, тоже в командировке, но в Берлине, родился его брат Александр. Алексей Ильич получил искусствоведческое образование на кафедре истории искусств истфака МГУ (1954–1959), работал научным сотрудником в Музее архитектуры им. А.В. Щусева (1958–1960), затем в Научно-методическом совете по охране памятников истории и культуры АН СССР (1960–1964). В 1964–1966 годах он старший лаборант, в 1966–1969 годах — аспирант кафедры истории

искусств МГУ, ученик профессоров В.Н. Лазарева и М.А. Ильина. Свою кандидатскую диссертацию «Византийская архитектура IX–XII веков и архитектура Киева X — начала XII столетия» Комеч защитил в 1971 году. Докторская диссертация «Древнерусское зодчество конца X — начала XII века. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции», защищенная им в 1988 году, была издана как монография годом раньше. С 1969 по 1990 год А.И. Комеч — научный сотрудник Государственного института истории искусств Министерства культуры СССР (ныне Государственный институт искусствознания Минкультуры России) — сначала в отделе свода памятников, но скоро, уже в 1969 году, в отделе древнерусского искусства. В течение года, с ноября 1990 по ноябрь 1991 года, он начальник отдела охраны, реставрации и использования памятников Министерства культуры СССР. В 1992 году А.И. Комеч становится директором Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГосНИИР). Он успел поработать и заведующим отделом древнерусского искусства Государственного института искусствознания, а с марта 1994 года стал его директором.

Главным научным интересом для А.И. Комеча всегда оставалась история византийской и древнерусской архитектуры, и в этой научной сфере он создал труды, которые без преувеличения можно считать выдающимися. Среди его работ монографии, разделы в больших коллективных трудах, множество научных и публицистических статей. Две его книги могут быть названы научной классикой: «Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.» (М.: Наука, 1987) и «Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в.» (М.: Наука, 1993). Эти книги, особенно первая, охваты-

вают большой круг научных проблем и открытий. Родственность и различия архитектуры Византии и молодой Руси — такова стержневая тема исследований А.И. Комеча. С ней связаны и различия строительства в разных регионах, и процессы эволюции архитектуры. К любой архитектуре он подходил как четкий конструктор и тонкий художественный ценитель, как инженер и искусствовед, как архитектор и историк.

В ряде великолепных книг по архитектуре, представляющих собой целые серии и являющихся по существу научными катало-

гами, над которыми работали коллективы специалистов, А.И. Комеч выступал как один из авторов, как составитель и научный редактор. Среди них такие прославленные издания, которые хотел бы иметь каждый москвич, как 7 томов «Памятников архитектуры Москвы» или 3 тома «Судьбы культурного наследия России в XX в.».

И еще одним важнейшим устремлением Алексея Ильича была защита памятников архитектуры от современного варварства. По характеру человек совестливый и при этом очень ответственный, он не мог оставаться равно-

душным к гибели старой русской архитектуры, прекрасной и обветшалой, нуждающейся в заботливой реставрации. Вместо этого он видел, особенно в Москве, одни преднамеренные утраты.

Комеч, как мог, старался спасти памятники от сноса или безвкусной переделки-модернизации, открыто и бесстрашно высказывал свою точку зрения властям, далеким от понимания истинных ценностей. Отнюдь не всегда в этой борьбе он побеждал, но не отчаивался и боролся дальше. Многие помнят его острые публи-

цистические статьи и впечатляющие выступления по телевизору на эти темы. Для архитекторов-реставраторов Комеч был центральной фигурой, точкой опоры. Неравную борьбу за памятники прошлого, за сохранение исторического облика Москвы вести было тяжело. Сотни памятников гибли и гибнут в России, но нередко что-то удавалось отстоять и воскресить. И роль А.И. Комеча в деле спасения национального достояния России велика. По натуре Алексей Ильич обладал всеми качествами лидера,

был наделен организационным даром, всегда что-то возглавлял в науке, в любой работе, в обществе, во всякой кампании, в бесчисленных профессиональных поездках с коллегами архитекторами, реставраторами, искусствоведами, со студентами. В любой ситуации всегда был стержнем, определял и направления в научных исследованиях, и методы архитектурной реставрационной практики, и маршруты во всех профессиональных путешествиях.

При таких «командирских» чертах природы он не был безапелляционным человеком, не считал свое мнение единственно возможным, умел прислушиваться к людям, никогда не пользовался в своих интересах властью, которую давали ему и его характер, и его служебное положение и которую охотно дарили ему коллеги и знакомые. Его любили и уважали, а не подчинялись: последнее было просто не нужно, все и так считались с его решениями. В общении с людьми ровный, спокойный и открытый, он действовал успокаивающе, потому что был человеком благожелательным, старался сделать что-то наиболее удобное и выгодное для того, кто обращался к нему за советом или с просьбой, никогда не вносил какой-либо

розни, не поддерживал никаких конфликтов, которые время от времени вспыхивают едва ли не в каждом коллективе, и по возможности выступал в роли миротворца.

Как бы он ни был занят, он никогда никому не отказывал в консультациях, и люди шли к нему с самыми разными вопросами. Он находил время беседовать и со студентами, и с журналистами, которые обращались к нему по вопросам охраны культурного наследия.

И еще он был великолепным знатоком фотографии. Он делал тысячи снимков, понимал лучше других, как именно нужно снимать архитектуру, с каких точек, в каком ракурсе и при каком освещении. Его архитектурные фотокомпозиции несут не только знания о старых памятниках, но представляют собой подчас настоящие произведения искусства. В Венеции в 2002 году была устроена выставка фотографий новгородских и псковских храмов, сделанных Алексеем Ильичем. Многих искусствоведов он учил, как надо фотографировать, потому что это неотъемлемая часть их профессии.

Истово относился Комеч к фототехнике, знал все модели, ориентировался в каталогах, и многие советовались с ним, прежде чем

что-нибудь обновить и приобрести. Иногда с подобными вопросами приходили к нему даже студенты, и при всей своей занятости директор Государственного института искусствознания не отказывал им в совете.

Повторяю, в нем не было ни малейшей важности, в общении он был всегда доступен, доброжелателен и прост. Эти особенности характера Комеча знали, ценили и любили все.

Талантливость его проявлялась в самых разных сферах, и одно из главных его увлечений — классическая музыка. Обладатель абсолютного слуха, абсолютного вкуса и обширнейших музыкальных познаний, Алексей Ильич любил музыку чрезвычайно. Он не пропускал лучших концертов, имел огромное собрание записей произведений всех времен и всегда

в наилучших исполнениях. К общей радости, он организовывал замечательные концерты в Институте искусствознания в Козицком переулке (незабываемыми остаются концерты квартета им. Бородина, который исполнял в залах института произведения Бетховена и Шостаковича). Пребывание в мире музыки было столь неотъемлемой потребностью его натуры, что без этого его жизнь, казалось, не могла бы протекать нормально.

Замечательным качеством Алексея Ильича, облегчавшим существование всем окружающим, был оптимизм, обычная для него положительная настроенность, позволявшая видеть всегда что-нибудь хорошее, умение в трудные моменты не унывать, относиться ко многому, что может вызвать раздражение, с мягким юмором.

В его личности соединились такие черты, которые не всегда присутствуют в человеке в одинаковой мере, чаще всего что-то одно преобладает. У него был рациональный склад ума, все выступления его были безупречно построены, мысли, факты, впечатления он выражал ясно, с четкой логикой доказательств, и в письменных работах, и в речах всегда было выделено главное. И при этом в нем не было

ни малейшего оттенка сухости и холодности. Он был человеком сердечным, способным к сочувствию, с тонкой психологической организацией и чувствительной душой. Остроумный рассказчик смешных историй, всеобщий любимец, общительный, говоривший со множеством людей легко и весело, он был при этом преданным другом, на которого можно было положиться в самых ответственных ситуациях. Здравость и четкость решений, свойственные его уму, сочетались с поэтичностью природы, буквально тающей при соприкосновении с обожаемым им миром музыки и искусства. Человек живой, активный, в высшей степени ответственный, организатор везде и во всем, он был вместе с тем кабинетным интеллектуалом и тонким эстетом. Во всей своей деятельности трезвый реалист, в душевной организации он имел много черт романтика. Широко образованный, скромный, талантливый и не честолюбивый,

бесконечно преданный делу, которому он служил и ставил выше всего личного, во всех своих начинаниях всегда честный перед собой и другими, человек, воплотивший в себе образ русского интеллигента, — таков был Алексей Ильич Комеч. Полный список работ А.И. Комеча напечатан в книге «Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча» (М.: Северный паломник, 2006), изданной к его 70-летию, незадолго до кончины.

Защитник иного отечества

Григорий Ревзин,
журнал «Наследие народов Российской
Федерации», № 1, 2007 год

...Алексей Ильич был директором Института искусствознания. Как искусствовед он занимался византийской и древнерусской архитектурой и здесь был непрекаемым авторитетом. Но его знали гораздо больше людей, чем те немногие, кто еще занимается в России византистикой. Он был защитником памятников.

<...> Москомархитектура, 2004 год. Тот же очень тихий голос, те же очень правильные предложения, в роли слушателя Юрий Лужков, а речь идет о сгоревшем Манеже. В зале очень тихо, говорит Алексей Ильич совершенно невозможные вещи (Юрий Лужков даже подал на него в суд за ущерб репутации, что было жестом полного морального бессилия). И так же этот голос выстраивает свое пространство, и ты видишь, как сначала поджигают в Москве особняки, как потрошат и перестраивают памятники, как город становится местом дешевых муляжей, как все это постепенно и неотвратимо подбирается к центру и как в итоге вспыхивает Манеж. Это была картина наполеоновского нашествия на Москву, только в роли Наполеона оказывался мэр, а в роли поджигателей — его инвесторы, девелоперы, строители и архитекторы.

За 20 лет, с 1984 до 2004-го, у нас все изменилось, и стало само собой разумеющимся, что все безусловные ценности того времени ничего не значат в ЭТОМ. Люди, державшие в голове исчезнувшие миры и пространства истории, люди с идеально правильной русской речью и тихим голосом оказались совсем никому не нужны. Одни переквалифицировались, другие еще доживают свой век потрясенными и нищими. Алексей Ильич не был растерян. И он, пожалуй, единственный, для кого мироощущение русского интеллигента осталось основой спокойной нравственной позиции, которая никак не менялась применительно к случаю. С этой позиции все вставало на свои места. Успехи хозяйственной деятельности по реконструкции Москвы становились тем, что они и есть — мерзостью стяжательства ради процентов прибыли уничтожающего память о своих предках. Попытки понять чиновников в их сложных мотивах и мыслить в новых категориях менеджмента мерзостью согласия с бандитами. В довольно плотных рядах сегодняшних государственных защитников памятников он был, по-моему, единственной никак не коррумпированной фигурой, хотя в позиции главного экс-

перта по наследию в Москве мог бы превратиться в миллиардера. Русская византистика, шире — русское искусствознание, шире — русская интеллигентность впали в растерянность и нищету потому, что, будучи материями тонкими и прекрасными, они никак не могли объяснить обществу, зачем они нужны. Алексей Ильич был уникален тем, что все это перевел в гражданскую позицию. В его спокойном голосе была осязаемая героическая нота. Вдруг оказалось, что если

обществу это почему-то не нужно, то это проблема общества, это значит, что оно деградирует и само это понимает.

А теперь оно может спокойно дичать дальше. Бывают люди, уход которых чувствуют друзья и единомышленники. Алексей Ильич принадлежит к более высокой породе. О его уходе, я думаю, будут скорбеть и его враги, потому что, даже служа злу, важно знать, что кто-то делает что-то другое, и есть надежда, что зло не победит окончательно.

Смерть Алексея Ильича Комеча с особенной остротой подчеркнула необходимость поддержания и координации общественного интереса к проблеме сохранности памятников культуры. Именно поэтому в январе 2008 года профессором Александром Ильичем Комечем была выдвинута идея учредить ежегодно присуждаемую премию имени Алексея Комеча «За общест-

венно значимую гражданскую позицию в деле защиты и сохранения культурного наследия России». Эту идею поддержали Государственный институт искусствознания Министерства культуры России, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино и издательство «Северный Паломник», ставшие ее официальными учредителями.

*Счастлив, кто смело берёт
под свою защиту то, что любит*

Овидий

ЛАУРЕАТЫ
ПРЕМИИ ИМЕНИ
АЛЕКСЕЯ КОМЕЧА

УЧРЕДИТЕЛИ
Премии имени
Алексея Комеча

Александр Ильич Комеч —
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
профессор Венского и Мюнхенского университетов

Государственный институт искусствознания
Министерства культуры РФ
директор — Наталья Владимировна Сиповская

Всероссийская государственная
библиотека иностранной литературы
им. М.И. Рудомино
директор — Екатерина Юрьевна Гениева

Издательство «Северный Паломник»
директор — Сергей Владимирович Обух

Московский архитектурный институт
ректор — Швидковский Дмитрий Олегович

ПОЛОЖЕНИЕ о Премии имени Алексея Комеча

I. Премия является международной и присуждается ежегодно

II. Премия присуждается жюри, состоящим из учредителей и экспертов

III. Количество присуждаемых премий определяется текущим состоянием Фонда премии

Комитет учредителей:

- Александр Ильич Комеч (Венский университет, Московский государственный университет) — председатель
- Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино (генеральный директор Е.Ю. Гениева)
- Государственный институт искусствознания (директор Н.В. Сиповская)
- Издательство «Северный Паломник» (директор С.В. Обух)

Спонсоры: Н.Д. Ильина, А.Е. Мерзон, М.Е. Петросян, Е.Е. Цвид

Золотой спонсор: М.С. Мейер, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета

Платиновый спонсор: В.Л. Лукьянов, Инвестиционная группа ВИКА

Председатель жюри:

Л.И. Лифшиц, доктор искусствоведения, заведующий отделом древнерусского искусства Государственного института искусствознания

Сопредседатель жюри:

О.В. Синицына, заместитель генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино

Состав жюри:

- Ю.А. Веденин, Российский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва
- Е.Ю. Гениева, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино
- Н.О. Душкина, Московский архитектурный институт
- А.И. Комеч, Венский университет, Московский государственный университет
- С.В. Обух, Издательство «Северный Паломник»
- Р.Э. Рахматуллин, координатор общественного движения «Архнадзор»

- Н.В. Сиповская, Государственный институт искусствознания
- Д.В. Трубочкин, Государственный институт искусствознания
- С.В. Филатов, Межобластное научно-реставрационное художественное управление
- Д.О. Швидковский, ректор Московского архитектурного института
- Е.Г. Щеболева, Отдел свода памятников Государственного института искусствознания

Секретарь жюри:

С.С. Ускова, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино

IV. Премия имени Алексея Комеча присуждается:

За общественно значимую гражданскую позицию в деле защиты и сохранения культурного наследия России

V. Цель присуждения премии:

Поддержка профессиональной и общественной деятельности по защите памятников истории и культуры России – архитектурных сооружений и ансамблей, исторических поселений и достопримечательных мест, городской и традиционной сельской среды, объектов археологического наследия, а также историко-культурных заповедников и музеев

VI. Критерии присуждения премии:

- Общественно значимая научно-практическая и теоретическая, законодательная и организационная работа, связанная с выявлением памятников культуры, их описанием, постановкой на государственный учет, защитой и сохранением
- Получившая общественное признание, политически и коммерчески не ангажированная, принципиальная активная и эффективная публицистическая и организационная деятельность, направленная на противодействие разрушению и грубому искажению культурного достояния народов России
- Многолетняя, последовательная просветительская деятельность, связанная с пробуждением интереса и привлечением внимания общества и государства к проблемам защиты национального культурного наследия, направленная на разъяснение и пропаганду общественной и государственной значимости памятников для сохранения культуры страны
- Гражданская ответственность и бескомпромиссность в публичных выступлениях, в том числе на радио и телевидении, в печати и интернете, посвященных защите памятников культуры

VII. Соискателями премии могут быть физические лица и общественные организации, деятельность которых соответствует ее девизу и целям:

- Реставраторы, работники музеев и учреждений охраны культурного наследия

- Деятели науки и искусства, культуры и образования, журналисты и писатели
- Частные лица, публично и эффективно отстаивающие интересы сохранения культурного наследия России

VIII. Кандидатов на премию могут выдвигать:

- Учредители, члены жюри и лауреаты Премии имени Алексея Комеча
- Профессиональные учреждения, занимающиеся реставрацией, охраной и популяризацией памятников культурного наследия России
- Музеи
- Общественные организации, деятельность которых соответствует девизу и целям премии
- Средства массовой информации и коммуникации

IX. Победителю конкурса присваивается звание лауреата Премии имени Алексея Комеча с вручением диплома жюри и денежной премии

X. Регламент присуждения премии

- Комитет учредителей объявляет открытый конкурс в январе каждого текущего года присуждения премии
- Конкурсные заявки, оформленные по учрежденной форме, принимаются по электронной почте до 1 марта года присуждения премии
- На основе критериев присуждения премии Комитет учредителей отбирает кандидатов для участия в конкурсе из числа поступивших заявок
- Составляется шорт-лист номинантов премии
- Члены жюри обсуждают список кандидатов и совместно с учредителями проводят голосование по каждому кандидату
- Лауреат премии определяется большинством голосов
- Премия вручается в апреле или мае текущего года

XI. Церемония вручения премии

- Премия вручается в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино
- В программе церемонии вручения премии – дискуссия по актуальным проблемам защиты культурного наследия России и выступления ведущих специалистов
- На церемонию приглашаются лауреаты, учредители, члены жюри и спонсоры премии, представители широкой общественности и государственных учреждений, в том числе Государственной Думы России, администрации Президента России, Министерства культуры, а также музеев и реставрационных организаций, органов массовой информации
- Вход на конференцию и церемонию вручения премии по приглашениям, которые рассылаются или могут быть получены у секретаря оргкомитета премии

Лауреат премии 2008

Наталья Олеговна Душкина

16 мая 2008 года, согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча присуждена профессору кафедры истории архитектуры и градостроительства Московского архитектурного института и кафедры архитектуры и ландшафта Московского государственного университета геодезии и картографии Н.О. Душкиной за активную деятельность в области защиты и сохранения архитектурных памятников России и всемирного культурного наследия, вклад в теорию научной реставрации.

Н.О. Душкина — автор и научный редактор статей, научных сборников и монографий (более 200 на-

именований), опубликованных в России и за рубежом; участник большого числа научных семинаров, конференций, симпозиумов в России и за рубежом; организатор и участник ряда крупных научных конференций, в том числе Международной научной конференции «Heritage at Risk. Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие» (2006) в Москве; член бюро Экспертно-консультативного общественного совета при главном архитекторе г. Москвы; член бюро Российского комитета международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест (ICOMOS); член Исполнительного

комитета ICOMOS, член Международного научного комитета ICOMOS по подготовке специалистов (1989–2005); соучредитель Международного научного комитета ICOMOS по наследию XX века; член Международного научного комитета ICOMOS по теории и философии консервации. Эксперт ICOMOS по памятникам Всемирного наследия ЮНЕСКО (проводила экспертизу памятников в Израиле, Белоруссии, Финляндии, Польше, Германии, Франции); член Международного совета по проекту виртуальной реконструкции документального наследия и книжных собраний Радзивиллов, Минск; дипломант Комиссии по делам

ЮНЕСКО Беларуси за значительный вклад в сохранение культурного наследия Беларуси (2007).

Торжественная церемония вручения премии состоялась 16 мая 2008 года в 16 часов в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, г. Москва, ул. Николаямская, д. 6. На торжественной церемонии присутствовали председатель Комитета по культуре Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г.П. Ивлиев и советник Президента Российской Федерации Ю.К. Лаптев.

Лауреат премии 2009

Александр Николаевич Zubov
† 17 марта 2012 г.

15 мая 2009 года, согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча присуждена директору Ульяновского государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» А.Н. Зубову за неоценимый вклад в дело музеефикации и сохранения исторического облика старого Симбирска.

А.Н. Зубов — заслуженный работник культуры Республики Чувашия, историк и филолог, специалист в области музееведения и краеведения, эксперт в области охраны памятников, посвятивший многие десятилетия своей деятельности

защите и популяризации наследия отечественной культуры. Под его руководством историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В.И. Ленина», который он возглавил в 1988 году, превратился в градостроительно-ландшафтный комплекс, не имеющий аналогов в современной отечественной практике охраны примечательных мест, исторической и культурной среды. В результате принципиальной позиции и гражданскому мужеству А.Н. Зубова в центре Ульяновска удалось сохранить историческую усадьбную застройку русского провинциального города. Расположенный на площади в 173,8 га,

заповедник включает в себя историко-мемориальный квартал (43,8 га) — территорию с высокой степенью сосредоточения исторических и архитектурных памятников федерального, регионального и муниципального значения. Этот живой музей под открытым небом в центре большого современного областного центра — явление уникальное не только в России, но и редкое в масштабах всего мира.

Торжественная церемония вручения премии состоялась 15 мая

2009 года в 16 часов в Большом зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, г. Москва, ул. Николаямская, д. 1. На торжественной церемонии присутствовали Специальный представитель Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству доктор искусствоведения М.Е. Швыдкой и первый заместитель министра культуры Российской Федерации А.Е. Бусыгин.

Лауреат премии 2010

Алексей Анатольевич Ковалев

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча 2010 года присуждена депутату Законодательного собрания Санкт-Петербурга, члену постоянной комиссии по образованию, культуре и науке А.А. Ковалеву.

Историк по образованию. Окончил кафедру археологии исторического факультета ЛГУ им. Жданова. В 1986 году А.А. Ковалев совместно с С.Г. Васильевым создал Группу спасения историко-культурных памятников Ленинграда. С 1990-го года Ковалев — депутат законодательных органов власти Санкт-Петербурга. Был замести-

телем председателя постоянной комиссии по образованию, культуре и науке, председателем профильной комиссии по культуре и охране культурного наследия, курировал вопросы охраны культурного наследия. Являясь членом комитета по законодательству, А.А. Ковалев был одним из разработчиков проекта Федерального закона от 24 мая 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; активно участвовал в работе по включению более 500 объектов исторического наследия в списки памятников истории и культуры.

Ковалев — один из самых активных борцов против проекта сооружения в устье реки Охты 400-метрового небоскреба «Охта-центра»; в настоящее время возглавляет Комитет граждан Санкт-Петербурга, борющийся в том числе и против уплотнительной застройки исторического центра города.

В своей деятельности, направленной на защиту и пропаганду архитектурного наследия Санкт-Петербурга, тесно взаимодействует с Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры и общественным движением «Живой город».

Давид Ашотович Саркисян
(1947–2010)

Согласно решению жюри, Почетный диплом и Памятный знак были посмертно присвоены Д.А. Саркисяну.

Давид Ашотович Саркисян, возглавлявший Музей архитектуры им. А.В. Щусева (МУАР) в 2000–2010 годах, внес крупный вклад в формирование гражданского движения по сохранению культурного наследия Москвы и России. С его приходом принципиально изменилась концепция деятельности самого музея, превратившегося в живую дискуссионную и экспозиционную площадку, на которой обсуждались актуальные проблемы современной архитектуры

и историко-градостроительного наследия, выявлялось их место в историческом процессе и общественном сознании. Им были заложены принципы построения архитектурного музея нового типа, сочетающего в себе наряду с традиционными функциями активное противостояние разрушительным процессам отечественной архитектуры и исторического города в целом. Продолжив «пассивную» деятельность по собиранию фрагментов разрушенных сооружений, Д.А. Саркисян перешел к активной консолидации усилий защитников наследия, для которых музей стал открытой общественной трибуной.

Будучи одним из наиболее последовательных, ярких и бескомпромиссных борцов за сохранение культурного наследия Москвы, выступая против профессиональной неадекватности, падения архитектурной и общечеловеческой культуры, коррумпированности, вандализма, он превратил музей в настоящий оплот сопротивления.

В стенах музея было подписано знаменитое «письмо московской интеллигенции» против уничтожения исторического города, проведены первые заседания по спасению архитектуры русского авангарда и неоклассицизма 1930–1950-х годов. Здесь заявило о своем учреждении международное общественное движение «Московское общество охраны архитектурного наследия» (MAPS); создана общественная правовая платформа «44 и 9». Проведены

пресс-конференции, встречи и выставки целого ряда общественных объединений («Москва, которой нет») и др. Все акции 2000–2009 годов, проходившие в музее, послужили основой для объединения нескольких организаций в единое общественное движение «Архнадзор», которое сегодня возглавляет защиту исторической Москвы против продолжающегося разрушения.

Для отстаивания своих принципов и поддержания правозащитной функции музея требовалась гражданская смелость и большое личное интеллектуальное мужество. Д.А. Саркисян рассматривал эту сторону своей деятельности как возложенную на него миссию. Многие идеи, направления деятельности Д.А. Саркисяна подхвачены общественными объединениями и экспертным сообществом.

Лауреат премии 2011

Владимир Иванович Плужников

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча 2011 года присуждена руководителю Центра документации наследия РНИИ природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева, ведущему научному сотруднику Государственного института искусствознания, профессору Академии реставрации В.И. Плужникову.

Владимир Иванович Плужников (родился в 1938 году) — один из крупнейших знатоков русского зодчества, в том числе городской и усадебной архитектуры XVIII века, безусловный авторитет в деле проведения историко-культурной

экспертизы объектов культурного наследия, он является одним из зачинателей работы по созданию фундаментального академического издания — Свода памятников архитектуры и монументального искусства России.

Со времени окончания исторического факультета МГУ его профессиональная деятельность связана с выявлением, изучением и охраной архитектурных памятников. Он принимал активное участие в многочисленных научных экспедициях (часть из них совместно с А.И. Комечем): обследовал историческую застройку русских городов и сел, пещерные монасты-

ри, дацаны Забайкалья, объекты культурного наследия в приграничных районах Русского Севера. Благодаря энергии В.И. Плужникова, проводившего натурные обмеры памятников, их фотофиксацию и зарисовку, писавшего экспертные заключения, доказывавшего значимость зданий, намечавшихся администрациями городов и сел к сносу, было спасено немало памятников русского зодчества. Среди них можно назвать такие архитектурные шедевры, как церковь Симеона Столпника на Новом Арбате в Москве (1676–1679), Крестобогородская церковь на Туговой горе в Ярославле (1760), собор Николая Чудотворца в Омске (1833–1843, арх. В.П. Стасов, А.А. Лещёв, П.И. Праман). Все они впоследствии стали памятниками федерального значения. В.И. Плужников — автор десятков

научных работ, в том числе уникального, снабженного собственными рисунками словаря-гlossария «Термины российского архитектурного наследия», который стал настольной книгой историков архитектуры и реставраторов; ответственный редактор Свода памятников Смоленской области; редактор-составитель альманахов-ежегодников «Архив наследия», издаваемых РНИИ природного и культурного наследия; при его непосредственном участии в качестве редактора архитектурной графики было осуществлено замечательное многотомное издание «Памятники архитектуры Москвы». За издание томов Свода памятников архитектуры и монументального искусства России В.И. Плужников в 2008 году награжден Премией Правительства Российской Федерации.

Лауреат премии 2011

Общественное движение «Архнадзор»

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча 2011 года присуждена Общественному движению «Архнадзор».

Одним из результатов многолетней борьбы за сохранение памятников отечественной архитектуры стало создание 7 февраля 2009 года общественного движения «Архнадзор». За последние двадцать лет это единственная эффективно действующая организация, возглавившая защиту исторической Москвы от продолжающегося ее разрушения. «Архнадзору» удалось привлечь внимание общества к проблеме ценности историко-

архитектурного наследия России, внести крупный вклад в формирование гражданского движения за его спасение, вовлечь в него сотни жителей городов, обеспокоенных стремительной деградацией историко-архитектурной среды. Соучредителями «Архнадзора» и его постоянными партнерами по деятельности, направленной на защиту и пропаганду культурного наследия Москвы и России, стали международное общественное движение MAPS – The Moscow Architecture Preservation Society (Московское общество охраны архитектурного наследия), такие общественные объединения, как Союз архитек-

Рустам Рахматуллин

Наталья Самивер

торов России и ВООПИиК, интернет-сайты «Москва, которой нет», «Против лома...», Архи.ру, а также общественный фонд «Созидание», Фонд возрождения русской усадьбы, Общество изучения русской усадьбы, ведущие эксперты по культурному наследию, представители архитектурного сообщества. Координаторам движения Р. Рахматуллину, К. Михайлову, Н. Самивер, Ю. Мезенцевой, А. Можяеву, Ю. Егорову, М. Хрусталевой, Н. Румянцевой удалось сделать проблемы правозащитной деятельности, связанной с сохранением культурного наследия, предметом постоянного внимания не только

таких государственных организаций и учреждений, как Москомнаследие, Москомархитектура, Росохранкультура, но и Общественной палаты, Комитета по культуре Государственной думы, прокуратуры и др. В результате бескомпромиссной критики «Архнадзором» ряда скандальных проектов были приостановлены работы на целом ряде знаковых памятников, в том числе Провиантских складах, по застройке Кадашевской слободы, Боровицкого холма, Хитровской и Пушкинской площадей, усадьбы Шаховских, палат Гурьева и др. «Архнадзор» внес свой вклад и в отмену строительства «Охта-

Константин Михайлов

Марина Хрусталева

Александр Можяев

центра» в Петербурге. Под давлением «Архнадзора» при обсуждении генплана Москвы до 2025 года в него удалось включить более двухсот поправок. Интернет-сайты и клуб движения «Архнадзор» стали открытой общественной трибуной для программных выступлений, круглых столов и пресс-конференций на самые острые темы, связанные с сохранением наследия. «Архнадзор» ведет широкую публицистическую и просветительскую деятельность, в том числе и выставочную. Заметное влияние на принятие решений на административном уровне оказала выставка «Архнадзора» «Москва 1993–2009: бремя перемен», посвященная утратам и трагическим изменениям в облике Москвы за последние полтора десятка лет. Многие идеи и направления

Наталья Румянцева

Юрий Егоров

деятельности «Архнадзора» подхвачены экспертным сообществом и общественными объединениями Москвы, а также целым рядом городов России (Петербургом, Тверью, Самарой, Казанью, Ярославлем, Пермью). По целому ряду вопросов удастся найти конструктивные, согласованные решения при сотрудничестве с официальными органами охраны наследия на муниципальном и федеральном уровне. Для отстаивания своих принципов и поддержания функции движения, противостояния разрушительным процессам, от его организаторов потребовались большая личная смелость и интеллектуальное мужество. Девизом «Архнадзора» стали слова: «Felix, qui quod amat defendere fortiter audit» (Счастлив, кто имеет мужество защищать то, что любит).

Юлия Мезенцева

Лауреат премии 2012

Татьяна Львовна Васильева

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча 2012 года и почетный приз присуждены Татьяне Львовне Васильевой, заместителю директора по научной работе ООО Ярославская художественная мастерская «Реставратор».

Татьяна Львовна Васильева, историк и искусствовед по образованию. Работая в Ярославском художественном музее (1970–1987), вела большую собирательскую работу, организуя ежегодные экспедиции по районам Ярославской области. Благодаря только этой ее работе было выявлено, взято на учет и атрибутировано более

9 тыс. произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Ею спасено немало памятников архитектуры, произведений станковой и монументальной живописи, среди которых монументальные росписи 1682 года церкви Спаса Нерукотворного в с. Николо-Заболотье Тутаевского района, монументальные росписи XIX века церкви Благовещения в с. Абакумцево Некрасовского района, более 300 икон XVI–XIX веков, в том числе и подписных.

На протяжении многих лет Т.Л. Васильева руководила службой охраны памятников Ярославской области. Выполняя свои многосложные

служебные обязанности, она проявляла не только большие профессиональные знания и опыт, но и умение отстаивать интересы дела перед «высоким начальством», обращаться к общественному мнению, привлекать к решению самых острых проблем, связанных с реставрацией памятников, противодействием их разрушению и искажению самых авторитетных специалистов страны. Она неоднократно участвовала в передачах «Радио России», ГТРК «Ярославия», давала интервью телевизионным каналам «Культура», «Россия», ГТК. Ее статьи по проблемам охраны культурного наследия публиковались в журналах «Встреча», «Приход», газетах «Северный край», «Епархиальные ведомости» и др.

В кругу своих коллег в Ярославле и в других областях России, в профессиональной среде археологов, искусствоведов, реставраторов Татьяна Львовна пользовалась и продолжает пользоваться высоким авторитетом и уважением. Принимая решение о присуждении Татьяне Львовне Васильевой Премии имени Алексея Комеча, высоко ценившего ее деятельность, жюри отметило ее многолетнее самоотверженное служение делу сохранения историко-культурного наследия Ярославской области, активную гражданскую позицию, принципиальность и самоотверженность, проявляемые в постоянном противостоянии всем попыткам искажения исторического облика древнего Ярославля.

Лауреат премии 2012

Коллектив сотрудников «Дома-музея М.А. Волошина» в Коктебеле

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча 2012 года и почетный приз присуждены коллективу сотрудников «Дома-музея М.А. Волошина» в Коктебеле.

Под крышей дома замечательного поэта, писателя и художника М.А. Волошина в течение многих десятилетий собирались, отдыхали, занимались творчеством многие выдающиеся представители русской культуры. Музей, созданный в его стенах, несмотря на свою недолгую историю, должен был преодолеть на пути своего становления целый ряд препятствий. Особенно трудными были годы, последующие за распадом СССР. Только благода-

ря упорству и беззаветной преданности своей работе всего коллектива музея во главе с его директором, Натальей Михайловной Мирошниченко, при поддержке генерального директора Коктебельского республиканского эколога-исторического культурного заповедника «Киммерия М.А. Волошина» Бориса Петровича Полетавкина «Мемориальный Дом-музей М.А. Волошина» в Крыму удалось сохранить. Музей не только сумел выжить в ситуации не просто складывающихся межнациональных отношений в Крыму, в сложных условиях экономического и политического развития Украины, но и превратился в поистине уникальный центр русской

культуры на территории республики. Коллектив музея сумел воссоздать и продолжает поддерживать атмосферу, напоминающую ту, что царила в доме при жизни М.А. Волошина, которая всегда привлекала и продолжает привлекать сюда людей творческих, любящих русскую культуру, живущих не только в Украине и России, но и в других странах. Перспективные задачи и направления работы «Дома-музея» закреплены в разработанной его сотрудниками десятилетней программе развития, в которой значительное место занимают планы международного сотрудничества, проекты организации научных симпозиумов, выставок, издательской деятельности.

Директор «Дома-музея М.А. Волошина»
Наталья Михайловна Мирошниченко

Лауреат премии 2013

Ольга Владимировна Лелекова

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча 2013 года и почетный приз присуждены выдающемуся реставратору и исследователю памятников древнерусской станковой и монументальной живописи Ольге Владимировне Лелековой.

Ольга Владимировна Лелекова в течение многих лет возглавляла Отдел реставрации темперной живописи Государственного научно-исследовательского института реставрации Министерства культуры России. Непременный член Комиссии по аттестации реставраторов Министерства культуры РФ, прекрасный наставник, воспитатель

молодых специалистов, она является принципиальным и страстным пропагандистом методов научной реставрации. Эти принципы были воплощены на практике в таких уникальных по сложности работах, ею возглавлявшихся, как исследование ансамбля икон иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря 1497 года, комплексные мероприятия по реставрации и консервации ансамбля росписей Дионисия в соборе Рождества Богоматери Ферапонтова монастыря 1502 года, раскрытие древнейшей русской иконы «Апостолы Петр и Павел» середины XI века из Софийского собора в Новгороде.

О.В. Лелекова всегда выступала в роли бескомпромиссного борца с косметическими и антикварными реставрациями, искажающими подлинную материальную структуру памятников, лишаящих их ценности уникальных художественных документов своей эпохи. Неслучайно свою практическую работу как реставратора Ольга Владимировна органично сочетает с историко-художественными исследованиями. Она — кандидат искусствоведения, автор фундаментальной монографии, посвященной иконостасу собора Кирилло-Белозерского монастыря. Под ее руководством в Отделе реставрации темперной живописи была разработана система контроля всех стадий реставрационного процесса, создана система

фиксации материальной структуры памятника, позволяющая видеть любые изменения ее сохранности. Свое понимание задач научной реставрации О.В. Лелекова отстаивала на разных уровнях — реставрационных советах, на международных конференциях, в министерских кабинетах и в публицистических выступлениях. Сформулированные ею принципы и методы работы, общественная деятельность оказали колоссальное влияние на отечественную школу реставрации, способствовали росту ее авторитета в мире. Они сохраняют значение критериев, по которым оценивают не только мастерство реставратора, но и его гражданскую позицию как хранителя и защитника культурного наследия.

Лауреат премии 2013

Паоло Дель Бьянко

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча и почетный приз присуждены Паоло Дель Бьянко, президенту некоммерческой организации «Фонд Ромуальдо дель Бьянко» г. Флоренция (Италия), целью деятельности которой является «Действительность, не охватываемая туризмом».

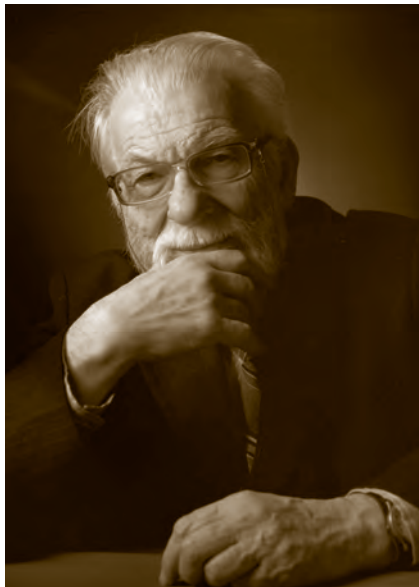
Господин Паоло Дель Бьянко, бизнесмен, владелец отелей, один из первых в Европе людей, ощутивших после падения Берлинской стены необходимость стимулирования близкого общения и обмена знаниями друг о друге между странами Западной, Центральной и Восточной

Европы путём контактов молодёжи из этих стран. Задачами деятельности созданного им для воплощения данной идеи Фонда стало поощрение организации встреч между студентами и преподавателями университетов разных стран и разных культурных традиций с целью расширения связей между институтами такого рода, вовлечения их в межкультурный диалог, способствования установлению постоянного делового контакта между ними, формированию общих тем для дискуссий и научных исследований. Со временем Фонд начал всё яснее осознавать, что главной целью его деятельности является

использование форм традиционного туризма для продвижения знакомств и знаний и организации межкультурного диалога. Базой для такого общения, согласно идее основателя Фонда, должно было стать и стало культурное наследие разных стран, которое даёт исключительную возможность не только получить удовольствие и знания, но, что еще важнее, достигать понимания друг друга и воспитывать уважение к разнообразию. Благодаря Фонду в эту деятельность вовлечено уже около 500 организаций и учебных заведений из 77 стран, среди них и российские университеты, библиотеки и другие организации культуры. В настоящее время, в соответствии с Конвенциями ЮНЕСКО, Фонд всё плотнее вовлекается в диалог и с международными организациями. За служение делу пропаганды

мирового культурного наследия, за создание условий для налаживания диалога между студенческой молодежью России и странами Центральной и Западной Европы Паоло Дель Бьянко получил несколько престижных наград и знаков признания от российских организаций. Среди них: награда «Фонда печатника Ивана Фёдорова» за важный вклад за продвижение культурных и образовательных проектов между Россией и г. Флоренция (2008); степень почётного профессора МАРХИ (2010); Премия города Иваново (2013) и другие. Премия имени Алексея Комеча за 2013 год вручается господину Паоло Дель Бьянко за активное участие в популяризации культурного наследия России за рубежом нашей страны и в деле привлечения внимания международного сообщества к проблеме его сохранения.

Лауреат премии 2014

Вячеслав Петрович Орфинский

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча и почетный приз присуждены в 2014 году доктору архитектуры, профессору Петрозаводского государственного университета, действительному члену Российской академии архитектуры и строительных наук, директору НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества при Петрозаводском государственном университете Вячеславу Петровичу Орфинскому.

В.П. Орфинский родился в Петрозаводске 29 апреля 1929 года, в 1954 году закончил Московский архитектурный институт. Его

профессиональная и общественная деятельность связаны с изучением и охраной архитектурного наследия народов России, прежде всего с наиболее хрупкой его частью — деревянным зодчеством. Возглавляемый им Институт проблем народного зодчества стал в Республике Карелия центром междисциплинарных исследований традиционной народной культуры. В.П. Орфинский автор более 230 научных и научно-популярных работ, в том числе 13 монографий, из них — две написаны в соавторстве и пять коллективных. С 1950 года по настоящее время В.П. Орфинский — организатор

и постоянный участник комплексных историко-архитектурных экспедиций, которыми было проведено детальное обследование деревянного зодчества Карелии, ряда районов Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Тверской, Томской областей и республики Коми, а также обследования памятников на территории Восточного Финмарка (Норвегия) и Финской Лапландии.

Работа по изучению памятников архитектуры привела В.П. Орфинского к осознанию ценности аутентичной среды существования объектов народного зодчества. Результатом многолетних исследований В.П. Орфинским архитектурного наследия Русского Севера стало создание нового научного направления — этноархитектуроведения, направленного на выявление и изучение региональных, этнических и локальных особенностей народной архитектуры.

Одним из первых серьезных испытаний гражданской позиции лауреата стала развернувшаяся в начале 1970-х борьба за сохранение кондопожской шатровой Успенской церкви на ее историческом месте. Ее намеревались отправить на остров Кижи. В результате он победил — Успенская церковь продолжает стоять на своем месте. В 1990-е годы, а затем вновь в 2003–2005 годах В.П. Орфинский вел кампанию в защиту уникальной по сохранности

этнографических и архитектурных характеристик старинной северокарельской деревни Панозеро, которую планировалось затопить при строительстве Белопорожской ГЭС. Он страстный поборник соблюдения научных принципов реставрации Спасо-Преображенской церкви в Кижях — объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В.П. Орфинский является неформальным лидером градозащитного движения в Петрозаводске. Он инициирует включение в государственный реестр вновь выявленных памятников истории и культуры, оспаривает в судах планы разрушения объектов культурного наследия и нарушение градостроительных регламентов в зонах охраны памятников архитектуры исторического центра города, выступает против диссонирующей современной застройки в исторической части города. В 2006 году он выступил в защиту от сноса деревянного дома Захарова XIX в., возглавил кампанию: в защиту исторической деревянной застройки проспекта Ленина; против незаконной застройки квартала рядом с историческим Левашовским бульваром; за предотвращение сноса кинотеатра «Сампо»; организовал досудебные протестные акции и судебный спор по поводу установки стелы «Биг Бен» в охранной зоне железнодорожного вокзала.

В течение ряда лет В.П. Орфинский был активным участником общественной кампании против строительства небоскреба «Охта-центра» в Санкт-Петербурге. Выступил с несколькими обращениями в адрес президента страны, руководства Общественной палаты РФ и компании «Газпром», в которых обращал внимание на угрозу, которую таит для Санкт-Петербурга строительство небоскреба вблизи исторического центра города.

В 2013 году В.П. Орфинский поддержал протест жителей города Кемь и местных властей против строительства Морской ГЭС на реке Кемь в городской черте в непосредственной близости к трехшатровому деревянному Успенскому собору (XVIII в.). В конце прошлого года им была инициирована работа группы авторитетных специалистов-реставраторов для оценки проводимой реставрации деревянной Ильинской часовни XV–XVII веков в деревне Лазарево. В результате работы, наносившие ущерб памятнику, были остановлены распоряжением Министерства культуры Карелии, вопрос передан на рассмотрение Федерального научно-методического совета по культурному наследию при Министерстве культуры РФ.

Публицистические статьи лауреата печатались во многих отечественных и зарубежных изданиях, выступле-

ния транслировали федеральные и региональные телеканалы и радио. В.П. Орфинский трижды лауреат Государственной премии Карелии в области культуры, литературы и искусства: в 1984 году — за научные и публицистические работы в области архитектуры, в 1988 году — за серию документальных и научно-популярных фильмов, посвященных народному зодчеству Карелии (в составе авторского коллектива), в 2006 году — за серию монографий, посвященных историческим поселениям Карелии (в составе авторского коллектива). В 1989 году удостоен звания «Заслуженный деятель науки Карельской АССР», в 1997 — награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», в 2010 — Орденом Дружбы народов. Он является лауреатом многих общественных наград, в том числе Премии имени академика Д.С. Лихачева за выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России в номинации «Сохранение памятников истории и культуры» (2007) и др. 29 апреля 2009 года. Президент РФ Д.А. Медведев направил В.П. Орфинскому поздравление с 80-летием, в котором дал высокую оценку его научных и педагогических заслуг, а также его общественной деятельности, направленной на сохранение уникальных памятников отечественной истории и культуры.

Лауреат премии 2014

Анна Алексеевна Давыдова

Согласно решению жюри, Премия имени Алексея Комеча и почетный приз присуждены в 2014 году историку и общественному деятелю, координатору градозащитного движения «СпасГрад» г. Нижний Новгород Анне Алексеевне Давыдовой.

Анна Алексеевна Давыдова родилась 5 мая 1979 года, окончила Нижегородский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. Ее научная деятельность напрямую связана с Нижним Новгородом и Нижегородской землей. Она —

автор научных работ по реставрации Собора Михаила Архангела в Нижегородском кремле, исторических исследований писцового делопроизводства Нижегородского уезда и пр. Кандидатская диссертация А.А. Давыдовой, основанная на тщательном источниковедческом изучении письменных источников, посвящена «Пространственно-демографическим изменениям и особенностям структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI–XVII вв.». Любовь к городу и неприятие существующей строительной политики властей области и города побудили ее стать организатором кампаний по защите

памятников истории и культуры и объектов исторической среды Нижнего Новгорода, неформальным лидером и координатором градозащитного движения «СпасГрад», получившего поддержку горожан. Она и ее ближайшие сподвижники: системный администратор Алексей Папин, журналист Сергей Сипатов, преподаватель Нижегородского государственного университета Алексей Тележников — постоянные участники акций против сносов нескольких исторических зданий в Нижнем Новгороде, в том числе дома № 126 по Ильинской улице. А.А. Давыдова выступила инициатором постановки на государственную охрану ряда ценных историко-культурных объектов города, разработки их охранных зон. В результате бескомпромиссной критики ряда скандальных проектов в Нижнем Новгороде, проведенной ею, приостановлена их реализация. В ходе деятельности координируемой ею общественной организации «СпасГрад» прекращена стройка в охранной зоне Георгиевского училища и застройка Почаинского оврага, удалось сохранить территорию парка Кулибина. Практика градозащитного движения позволила А.А. Давыдовой обрести большой опыт ведения судебных дел в защиту памятников истории и культуры и объектов градостроительной среды, а также

работы с органами прокуратуры и правоохранительными органами. Благодаря ее выступлениям отдельные нормативно-правовые акты Правительства Нижегородской области были признаны судом противоречащими законодательству об объектах культурного наследия. А.А. Давыдовой ведется большая просветительная деятельность. Она является организатором публичных мероприятий, направленных на привлечение внимания властей, средств массовой информации и городского сообщества к отдельным проблемам сохранения объектов культурного наследия и объектов исторической среды. За два года постоянной целенаправленной работы удалось переломить в общественном сознании и отчасти даже в позиции властей отношение к ценности историко-архитектурного наследия. Она активно выступает против «алтайского законопроекта», предполагающего упрощенный порядок снятия с государственной охраны объектов культурного наследия. Постоянно публикует заметки с критическими анализами проектов застройки в интернете и местной прессе. А.А. Давыдова добилась признания роли градозащитного сообщества Нижнего Новгорода в решении вопросов, связанных с деятельностью на исторической территории города. Приняла участие

в нескольких встречах с высшим руководством Нижегородской области, в результате которых был преодолен барьер в отношениях местных властей и градозащитников, изменено восприятие уличного протеста, привлечено внимание к проблемам наследия и приостановлен разрушительный процесс. Отчасти благодаря деятельности общественности и лично Давыдовой А.А. руководство Нижегородской области объявило 2013 год Годом национального культурного наследия. Тем не менее активная роль, принципиальная и четкая граждан-

ская позиция Анны Алексеевны Давыдовой сказались на ее трудовой карьере. Смелый, бескорыстный, мужественный и открытый человек она не скрывает, что была вынуждена уйти с работы (проектная мастерская), опасаясь конфликта интересов, а также под давлением руководства в связи с ее общественной деятельностью. По данным НИА «Нижний Новгород», А.А. Давыдова вошла в рейтинг самых влиятельных людей Нижнего Новгорода и Нижегородской области по итогам марта 2013 года <http://www.niann.ru/?id=430152>

Лауреат премии 2015

Градозащитное движение «Настоящая Вологда»

Согласно решению жюри Премии имени Алексея Комеча и почетный приз в 2015 году присуждены градозащитному движению «Настоящая Вологда» (<http://realvolgda.ru>)

Градозащитное движение «Настоящая Вологда» родилось 21 ноября 2011 года. Его основательницы и координаторы — молодые жительницы города Елена Смиреникова, Ольга Смирнова, Зоя Мокрушина, Ирина Казанкина. Цель «Настоящей Вологды» — «гражданские действия в защиту деревянной Вологды и охраны культурного наследия». Активисты движения «Настоящая Вологда»

ставят перед собой задачу активно противодействовать уничтожению исторического наследия города Вологды, выступают за комплексное сохранение исторического облика города, его архитектурной среды, панорамных видов Вологды. Особое значение они придают делу просвещения горожан и формирования общественного мнения в пользу сохранения неповторимого лица родного города, бережного отношения к памятникам истории и культуры, понимание их значимости и необходимости активных охранных действий. Вологодским градозащитникам удалось привлечь к своей

деятельности, напрямую и опосредованно (через социальные сети), около 1500 сторонников. В первый же месяц своей деятельности градозащитники собрали более 3000 подписей неравнодушных вологжан в защиту деревянной архитектуры города.

Без преувеличения можно сказать, что деятельность градозащитного движения «Настоящая Вологда» по защите, сохранению и заботе об историческом городе целенаправленна и очень продуктивна, несмотря на небольшой период существования движения. Вологодцы — страстные и бесстрашные защитники культуры, искренние и увлеченные, смогли поднять тему защиты родного исторического города на первые полосы СМИ, заставить власти обратить на нее внимание. Их постоянные интервью, аналитические статьи, выступления на конференциях и пресс-конференциях объективно и взвешенно доказывают необходимость сохранения неповторимого исторического лица Вологды и других регионов России, особенно в связи с интенсивной застройкой исторических центров многих городов и сносом исторических зданий. Их позиция в этом отношении принципиальна и заслуживает быть отмеченной.

Направления работы «Настоящей Вологды» — шефство над памятни-

Елена Смиренникова

Ольга Смирнова

Зоя Мокрушина

Ирина Казанкина

ками архитектуры и исторической застройкой, противодействие нарушениям законодательства в сфере сохранения наследия, выявление памятников архитектуры для постановки на охрану, просветительская и образовательная работа — экскурсии, квесты... Популярностью у горожан пользуются и конкурсы детского рисунка, и мастер-классы, проводимые активистами.

Организуя субботники для горожан, активисты привели в порядок и подготовили к консервации большое количество исторических домов Вологды, в том числе заброшенный ОКН — Дом Свешниковой на Пречистенской набережной, 19. Несколько объектов исторической застройки Вологды были спасены от сноса путем подачи рекомендаций на государственную охрану. Вологжанам удалось организовать и провести государственную историко-культурную экспертизу дома, в котором в 1919 году жил в ссылке великий князь Николай Михайлович Романов (Набережная VI Армии, 99-А). Дом стал региональным объектом культурного наследия и подлежит теперь государственной охране. Ими был предотвращен снос дома Черноглазова, 1890 года постройки (ул. Чернышевского, 17), выявленного объекта культурного наследия. Здание вместе с землёй из муниципальной собственности было передано в безвозмездное

пользование без оформления охранных обязательств одному из институтов РАН, который, очевидно, намеревался снести памятник и построить «новодел» для гостиницы. Спорная сделка была отменена усилиями градозащитников.

Благодаря усилиям активистов «Настоящей Вологды» было возбуждено уголовное дело по 243 ст. УК РФ в отношении собственника в связи с утратой в пожаре памятника деревянного зодчества на Пречистенской набережной, 18 — «Дома со штурвалами».

Весной 2014 года благодаря активным действиям по сбору средств был законсервирован, т.е. спасен от разрушения «всем миром» Дом Шахова, бывший в плачевном состоянии.

Еще 6 объектов исторической застройки Вологды были спасены от сноса, т.к. они благодаря градозащитникам были признаны объектами, обладающими признаками объектов культурного наследия. Ближайшая задача — спасение вологодского Заречья, его «небесной линии» от точечной высотной застройки.

Градозащитное движение «Настоящая Вологда» предлагает проект создания в Вологде девяти кластеров исторической деревянной застройки. Кластеры должны появиться в тех кварталах, где в наибольшей степени сохранились

историко-архитектурная среда и деревянное зодчество. Эта инициатива была озвучена на первом Совете при губернаторе по сохранению исторически ценных градоформирующих объектов исторических поселений области, посвященном наиболее остро стоящей на сегодняшний день проблеме — сохранению и развитию исторической деревянной застройки Вологды. Активисты постоянно, самоотверженно тратя свое личное время, силы и средства, создают прецедент значимости деятельности по сохранению культурной традиции и приобщают к их инициативе многих других. Это люди с активной гражданской позицией, которой

отличался и А.И. Комеч, считающие себя лично ответственными за сохранение национального достояния страны, обеспечение преемственности ее культурного пространства. Уже сейчас активистами составлен список тех исторических зданий, которые нуждаются в Вологде в особом внимании и защите. Они определили «горячие точки», где в угоду новому строительству может быть уничтожена вологодская историческая среда. Они готовы постоянно и бесстрашно говорить, что уничтожение исторической Вологды — социальная проблема и готовы ее конструктивно решать, истово и бескомпромиссно борясь с варварством.

Лауреат премии 2015

Лидия Алексеевна Шитова

Согласно решению жюри, премия имени Алексея Комеча и почетный приз в 2015 году присуждены Лидии Алексеевне Шитовой, архитектору-реставратору высшей категории, доценту кафедры Реконструкции и реставрации в архитектуре Московского архитектурного института (МАРХИ)

Лидия Алексеевна Шитова — один из самых замечательных и, позволю себе сказать, поистине удивительных людей «мира» московской реставрации и сохранения памятников архитектуры. Практически вся ее профессиональная деятельность связана с реставрационной мастерской № 13 Управления «Моспроект-2», основанной В.Я. Либсоном (с 1969 года), и кафедрой Реконструкции и реставрации в архитектуре Московского архитектурного института — МАРХИ (с 1994 года). Исключительно скромная и щедро одаренная многочисленными талантами и в научной, и в художественной областях, мягкая и сдержанная в общении с учениками и коллегами, неколебимая в отстаивании своей профессиональной позиции, она не только возродила к жизни огромное число памятников зодчества, но и создала свою школу архитекторов-реставраторов, продолжая дело Сергея Сергеевича Подъяпольского.

Выполненные Л.А. Шитовой проекты реставрации, большая часть из которых осуществлена, отмечены высоким уровнем профессиональной культуры, строгим следованием принципам научной реставрации, бескомпромиссным отстаиванием при принятии реставрационного решения интересов максимального сохранения всех ценных элементов памятника. Эти ее качества, умение убедить заказчиков проектов реставрации в правильности предлагаемого решения, найти общий язык с исполнителями работ, позволили спасти многие памятники или их фрагменты от разрушения. Значительный вклад Л.А. Шитовой внесен в сохранение и систематизацию документального архива проведенных за последние десятилетия реставраций, благодаря ей удалось сохранить значительный пласт материалов архивов реставрационной мастерской № 13 и кафедры Реконструкции и реставрации в архитектуре МАРХИ.

Благодаря ее работам сохранен облик значительного числа памятников московской архитектуры, среди которых особое место занимают постройки XVII — начала XVIII века. Достаточно назвать лишь некоторые из сооружений, отреставрированных благодаря ее усилиям и при ее непосредственном участии. Это: «Дом Меньшикова» и «Дом Янковых» в Газетном переулке, «Белые

палаты» конца XVII века на Пречистенке, жилой дом с палатами XVII–XVIII веков в комплексе зданий Тургеневской библиотеки в Бобровом переулке, усадьба «Ясенево» середины XVIII века, знаменитые Покровские казармы, церковь Св. Иоанна Богослова на Бронной, церковь Св. Николая в Кленниках на Маросейке, церковь Владимира в Старых Садах, колокольня церкви Рождества Богородицы в Бутырках, церковь Троицы в Хохлах, церковь Марона Пустынника на Большой Якиманке, церковь Спаса на Песках, церковь Свв. Петра и Павла у Яузских ворот, ансамбли Ивановского и Симонова монастыря. Глубокое знание самих памятников, в основе которого всегда лежит исчерпывающее научное исследование, огромное внимание к процессу воплощения проекта реставрации и связанное с этим фундаментальное знание всех составляющих реставрационных работ, ведущихся на памятнике, выводит Л.А. Шитову в число выдающихся специалистов, практически ежедневно на высоком профессиональном уровне занимающихся спасением и сохранением культурного наследия России. Этот

огромный, имеющий колоссальное культурное и социальное значение труд удивительным образом сочетается с внешне абсолютно «непубличным» характером работы Лидии Алексеевны, с поразительной личной скромностью. Будучи одним из самых авторитетных архитекторов-реставраторов страны, Л.А. Шитова совмещает свои профессиональные занятия с участием в работе многих экспертных советов и с преподавательской деятельностью. Как профессионал она обладает самым высоким авторитетом в среде коллег-реставраторов, которым нередко оказывает бескорыстную научно-консультативную помощь в изучении и реставрации архитектурного наследия Москвы. Не меньшее влияние на профессиональную среду, на студентов МАРХИ, на формирование общественного мнения оказывает сама ее личность, ее нравственная позиция в деле сохранения культурного наследия России.

Ректор МАРХИ,
вице-президент Российской
академии художеств
Дмитрий Швидковский

МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА» 2014 ГОДА

Н.В. СИПОВСКАЯ, директор Гос. Института искусствознания:

Дорогие коллеги!

Я счастлива видеть здесь сегодня вас всех — нас всех! — потому что, действительно, в этом зале собрались люди, которые имеют самое непосредственное отношение к Алексею Ильичу Комечу и к его делу. Я очень рада, что на этот раз круглый стол, приуроченный к акту вручения премии Алексея Комеча, проходит именно в стенах нашего Института. Я надеюсь, что вам здесь будем хорошо.

Есть, конечно, гораздо более авторитетные люди в сфере охраны памятников, которые более достойным образом откроют нашу дискуссию. Я хотела просто всех поприветствовать, сказать, что действительно искренне счастлива тем, что сегодня наш совет, круглый стол, церемония проходит в этом нашем доме, где Алексей Ильич провел тридцать лет, из которых шестнадцать в качестве директора.

Я хотела бы сказать о следующей очень важной вещи. Сейчас ситуация в России складывается так, что охрана памятников становится делом жизненно важным не только для сохранности самих памятников, но для сохранности нашего достоинства и как профессионалов, и как граждан своей страны. Поэтому я очень надеюсь, что и в этом году

мы проведем серьезную научную дискуссию, итогом которой, по мнению учредителей премии Алексея Комеча, моему в том числе, должна стать резолюция, посвященная самым важным и актуальным аспектам проблемы, выносимой на сегодняшний Круглый стол. Ее необходимо широко распространить через соцсети, чтобы мнение профессионального сообщества было донесено и до соответствующих министерств и ведомств, и до самых широких слоев общества и могло служить делу сохранения культурного достояния России. Это собственно все, что я хотела сказать. Сейчас я предоставляю слово Льву Исааковичу для того, чтобы ведущие круглого стола приступили к своей работе.

Л.И. ЛИФШИЦ:

Спасибо, Наталья Владимировна! Я приветствую всех коллег, принимающих участие в очередном круглом столе. Нам, по счастью, вновь удалось к дню вручения премии издать брошюру с материалами дискуссии предыдущего года. Она вам роздана.

Тема, как вы знаете, сегодняшнего круглого стола посвящена живо-трепещущей проблеме, которую мы называли «Ответственность экспертного сообщества»

Последнее время, — можно даже уже сказать последние годы, — эта

проблема становится не просто актуальной, но наблевшей и даже нарвавшей. В кулуарах сообщества профессионалов, занимающихся охраной памятников, в том числе и в среде людей, имеющих аттестацию государственных федеральных экспертов, постоянно идут разговоры о том, что дела в этой области крайне неблагоприятны, а многие явления приобретают совершенно недопустимую форму. Все то, что должно идти нормальным, законным путем в самом регламенте и в процессе проведения экспертиз, их обоснования и согласования, нередко нарушается и искажается. Имеются случаи, когда эксперты намеренно искажают факты, занимаются подменой. Мы все чаще и чаще встречаемся с фактами купленных экспертиз, договоренностей заказчиков со специально подобранными экспертами. Мы до сих пор не можем получить от Министерства культуры, от тех региональных органов, которые должны контролировать процесс прохождения экспертиз, следить за соблюдением законности, внятное объяснение на целый ряд вопросов, суть которых, казалось бы, очевидна. Они таковы: почему экспертизы не являются гласными и прозрачными? почему они не обсуждаются на собраниях экспертов? почему некоторые экспертизы, не удовлетворяющие заказчиков, нередко передаются другим экспертам, более покладистым, которые делают заключения прямо противоположные тем, что были сделаны их предшественниками? почему само профессиональное сообщество экспертов не высказывается по поводу того, что происходит в их среде, хотя, вроде бы, существует такой орган, как коллегия экспертов?

Но случаев гласного рассмотрения на этих коллегиях вопиющих нарушений профессиональной этики, законного порядка проведения экспертиз нам не известно. Не создано таких условий, при которых до общественности доходили бы сообщения о всех случаях незаконно осуществленных сносов, незаконного исключения памятников из списков, факты, когда выявленные памятники десятками лет не получают согласования и не попадают в государственный реестр. Случаев лишения экспертов государственной аккредитации не существует. Абсолютно непрозрачной является система взаимоотношений заказчиков с экспертами. Существующая практика прямых договоров инвесторов с экспертами имеет откровенно коррупционный характер. Я не буду называть примеры, потому что, собственно говоря, мы здесь и собрались для того, чтобы обсуждать эти проблемы конкретно и затем, в конце нашего круглого стола, прийти к каким-то взвешенным решениям и тем резюме, тем резолюциям, о которых только что сказала Наталья Владимировна. Мы должны донести через интернет и средства массовой популяризации наше понимание ситуации до сознания и совести тех людей, которые по своему положению и должны заниматься организацией экспертиз и контролем экспертной деятельности. Можно было бы назвать еще много проблем. Наверное, стоило бы обратиться к проблеме взаимоотношения экспертиз и их результатов с системой ведения реестров, паспортов. Стоило бы обсудить и то, что экспертное сообщество имеет положение об экспертизе, но не имеет методик проведения экспертиз.

Я намеренно обозначаю проблемы отрывочными и крупными мазками. Но думаю, что в тех выступлениях, которые мы сейчас с вами будем слушать, эти проблемы будут затронуты и получат какое-то освещение. Очень важно, чтобы мы кроме того, что, как всегда, делились своей болью, своей озабоченностью тем, что происходит в нашем отечестве (и для нас это действительно проблема и нашей жизни, и нашей совести), чтобы мы выходили на конкретные предложения, пытались сформулировать то, как мы видим возможности влиять на существующую ситуацию, на существующее положение дел.

Завершаю свое вступительное слово. У нас много здесь замечательных людей, каждому можно было бы предоставить первое слово, но я для начала дискуссии попрошу взять слово Екатерину Антоновну Шорбан.

Е.А. ШОРБАН:

Выступление мое, безусловно, не претендует на глобальность и всеохватность, но именно для затравки, наверное, вполне разумно поднять ряд вопросов. Я оттолкнусь от того, что говорил Лев Исаакович. Только я бы еще более кратко охарактеризовала общую ситуацию так. Вообще дело охраны наследия, к сожалению, фактически не является пока что (именно фактически, по результатам, которые мы видим) делом, в котором государство наше заинтересовано. Поэтому, я думаю, не надо мне это вам объяснять (все уважаемые эксперты, которые находятся здесь, прекрасно это понимают, и представители общественных движений, которые борются за сохранение наследия, также вполне понимают), что мы

находимся в таком, к сожалению и без преувеличения, вражеском окружении. Ситуация не просто плохая, а ужасающая. И вообще все наши небольшие силы, и экспертов, и движений многочисленных, чтобы нам вообще что-то сохранить, мы должны на себя по существу брать роль органов административно-государственных.

Вот почему я показываю картинку, казалось бы, неинтересную. Это кадр из Википедии Великобритании, в которой выложен вот в такой краткой форме список всех памятников Великобритании, список, предоставленный официальной организацией “English Heritage”, которая является официальной организацией, занимающейся охраной памятников. Вы видите, что список краткий, вот, буквально, тут название, адрес. Но что важно — тут есть номер документа, определяющего охранный статус.

Для того чтобы нам действовать с опережением, в первую очередь, о чем говорил Лев Исаакович, должна быть гласность и должны быть выложены списки памятников в интернете. У нас до сих пор половина списков секретны, и такой ситуацией очень легко манипулировать. Дальше. Дальше я должна констатировать, даже те организации, которые искренне стремятся что-то охранять, действуют, конечно, очень с запозданием. У нас 60%, если не больше, наследия, особенно в городах, где это, наверное, 80-90%, вообще не учтено. Вот первый объект, на котором я для примера остановлюсь. Параллельно я хочу продемонстрировать, как в редких случаях, при условии объединения всех сил — экспертов, местных музеев, Московского центра авангарда, московского

«Архнадзора», хотя и в последний момент, удается спасти даже неучтенный объект. Но на общем фоне — это такой редкий случай* . Вот вы видите на фотографии комплекс трудкоммуны НКВД, созданный в середине 1920-х годов в Болшево, ныне город Королев, — крупнейший конструктивистский комплекс на территории Московской области, (вот его генплан) — строился в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Характерно, что на гос. охране он не стоит. А историческая роль его колоссальна, потому что это была уникальная организация, там воспитывали бывших беспризорников. Причем замечательно, что давали им высшее образование, многие из выпускников стали художниками, академиками, и посещали его, соответственно, крупнейшие исторические фигуры того времени. Но даже историческая ценность этого комплекса тоже почему-то не заставила никого принять его на охрану. Там, правда, на торговом комплексе стоит табличка с надписью, указывающей что это за постройка, но сам этот торговый центр предназначен к сносу, хотя он конструктивистский. Первый капитальный дом, который там был построен в конце 1920-х гг. — это вот этот дом Стройбюро. А о нем были статьи еще в 1980-е годы. в специальных журналах. Еще один важный момент: сам дом находится в охранной зоне древней усадьбы, т.е., в принципе, там и регламенты даже прописаны — в этой зоне постройки должны быть не выше четырех этажей. И вот этот дом как раз четырехэтажный. Но пока разворачивалась вся эта компания по его защите, администрация города (поскольку это

муниципальное жилье и земля муниципальная) незаконно выдала разрешение коммерческой фирме на строительство 24-этажной башни. И эта фирма стала систематически разрушать этот дом — его специально поджигали в течение сентября-октября. А он капитальный, толщина стен до метра, я подчеркиваю, красный кирпич, совершенно был целый. Вот тогда уже мне было предложено сделать экспертизу, и мы заключили договор на ее проведение. (Дом был вот в таком состоянии. Понятно, да?) Правда, мы действовали с опережением. Параллельно я тут же пригласила мою однокурсницу по МАРХИ, и она быстренько сделала вертикальный обмер. Вообще, я хочу это подчеркнуть, на мой взгляд, только участие многих людей способствовало положительному решению проблемы. Потом по результатам этой экспертизы — что мы тоже делали с опережением — наряду с такими вот картинками этой жуткой руины, мы давали нашим чиновникам красивые картинки (показывающие комплекс, приведенный в нормальный вид), потому что им это очень важно. Они не профессионалы, к сожалению, и когда им только руины показывают — это для них однозначно, все надо сносить, что это за рухлядь. А вот когда (это торговый центр, фабрика-кухня) им показывают какие-то положительные картинки, как это может быть, что вот тут может быть музейный комплекс, кластер, как сейчас это называют, это, конечно, по-другому действует. Ну, плюс тут способствовало то, что уже в полуразрушенном доме в первом этаже в бывших клубных комнатах обнаружили росписи талантливого

* От Оргкомитета: Этот памятник в обход всех запретов в марте 2015 г. все же был разрушен.

художника Василия Маслова, тоже выпускника этой трудкоммун, расстрелянного на Бутовском полигоне в 1938-м году. И нашлись героиреставраторы (один из них тоже, между прочим, по фамилии Маслов, но не родственник), которые на свои деньги стали в холод (октябрь, были минусовые температуры) расчищать и укреплять эти росписи. Открылись совершенно потрясающие краски. Известно, что Василия Маслова называли «вулкан красок». У него, кстати, были выставки в Нижнем Новгороде, в Москве, часть его произведений хранится в Нижегородском музее.

Очень большую роль в этой работе сыграла Александра Селиванова, одна из руководителей Центра авангарда (вы, конечно, знаете этот центр). Она создала вот такую презентацию с целью показать, что это не надо ломать, а наоборот, всеми силами спасать. И, понимаете, одна из последних ее картинок, что опять-таки очень важно для наших бюрократов, вот такая — если мы все сломаем, будет вот что: Королев это такой придаток Москвы, спальный район (по горизонту вот эти многоэтажки; вокруг — наркомания, алкоголизм). А если мы сохраним, то будет наоборот — центр может быть вот таким. (Ну, я, конечно, не показываю все картинки). Дальше я кратко хочу остановиться (об этом будут сегодня говорить и другие) на том, к чему приводит отсутствие у нас учета и контроля. А это именно то, чем мы должны заниматься все вместе — и эксперты, и общественные организации. Я давно, уже несколько лет тому, говорила об этом, в частности Рустаму Рахматуллину (такая ситуация особенно характерна для Москвы — здесь большая часть

исторической застройки не имеет статуса, нет никакой базы данных, но при этом есть активисты «Архнадзора»). Я считаю, что надо срочно разделить активистов «Архнадзора» на тройки, чтобы они обходили улицу за улицей и создавали своего рода «народную базу» данных. Пусть там будет сначала списочный вариант плюс фотографии: вот там Солянка, которая сейчас под угрозой, Маросейка с Покровкой под угрозой. Вот только что мы слышали: собираются где-то там что-то ужасное делать. А у нас базы-то нету. То есть ситуация катастрофическая...

Я уверена, сейчас не то что органов по охране памятников, но даже самих подразделений культуры в администрации районов, как правило, нет. Они сокращены. Мы это знаем, сталкиваемся с этим, когда ездим в наши экспедиции. Еще 15 лет назад, вот мы с Леной Щеболевой ездили по той же Владимирской области, и нам показывали, что денег у них нет даже на то, чтобы купить настольную лампу, не то что съездить куда-то в район и посмотреть, в каком состоянии памятники. То есть ни о каком мониторинге речи нет, он не проводится. И поэтому, например, церковь в Мольгино Смоленской области, атрибутированную как произведение Жилярди (причем крепкую, неаварийную, что тоже засвидетельствовано специалистами), успешно сносят и на этом месте возводят какой-то новодел.

Это происходит не только в дальних наших областях, а просто в самом центре. Вот прошлым летом мы начали составлять пятый том каталога «Памятники архитектуры Московской области» и объезжали Раменский район. Вот, к примеру,

Раменская фабрика Малютиных, корпуса 1960–1990 годов, градостроительный объект. Это корпус начала XX в., железобетонный. Куплен, находится в частных руках, намечен к сносу. Над ним уже, как говорится, хорошо поработали, его сносить будет еще легче.

Следующая небольшая будет тема у меня — это Нижний Новгород. Но перед тем как к ней обратиться, опять хочу вспомнить (напротив меня сидит Рустам Рахматуллин), что приблизительно месяц назад в Москве был съезд градозащитников, т.е. представителей именно народных движений, которые пытаются что-то сделать, чтобы изменить ситуацию. И там из уст одного из участников (а они очень разные по уровню подготовленности, хотя все замечательные) прозвучала такая фраза: «органы охраны памятников, не знают что-то такое, мониторинг»... Понимаете, мониторинга нет. Мы все должны это понять. То есть мы-то это знаем, но должны донести это до нашего населения. Вот почему происходит это совершенно безнаказанное разрушение.

Теперь о Нижнем Новгороде, куда меня как эксперта в прошлом году привела судьба.

Вот тут мы видим красивую панораму Нижнего Новгорода первой половины XIX века с кремлем начала XVI века. Напомню, что этот кремль к середине XX века был аварийным и предназначался к сносу. Сохранялась к тому времени нижняя часть стен. И вот Святослав Агафонов (сегодня в зале присутствует его дочка Ирина Святославовна), это такой удивительный человек XX века, но совершенно из эпохи Ренессанса, сын, кстати, тоже городского архитектора Нижнего Новгорода, он просто посвятил

свою жизнь спасению этого кремля. Это вот его потрясающие рисунки. И, действительно, спас. Но он не мог, конечно, спасти то, что было внутри кремля. А именно, все соборы были уничтожены. На месте главной соборной группы был построен еще в 1920-е годы по проекту Гринберга Дом Советов, а на месте другого собора уже позднее, в 80-е — тоже административное здание. Такова вот ситуация в ядре Кремля — стены-то есть, но внутри, к сожалению, основные памятники утрачены.

Если мы выходим на прямо прилегающие к кремлю улицы Нижнего Новгорода, то ситуация там следующая — потрясающая по своему художественному уровню застройка обречена. Очень много уже за последние пятнадцать лет снесено. Вот треугольник исторического ядра: на севере находится кремль, и на юг расширяется этот треугольник — это периферия. Вы видите уровень современного строительства с правой стороны и остатки этой вот жилой застройки, которая тоже в ближайшее время, видимо, будет снесена.

Ситуация развивается на фоне того, что вообще-то уже сделан опорный план, в том числе и центральной зоны, были выявлены и даже утверждены многочисленные достопримечательные места. Но это абсолютно никого не останавливает. Как известно, на территории этих достопримечательных мест можно строить. И потом, поскольку они имеют статус региональных объектов культуры, то соответственно совершенно карманные органы охраны идут на все, даже на полный слом.

Вот кадры с жуткой современной застройкой. На карте она прибли-

зительно вот в этой зоне. А сейчас мы посмотрим улицу Ильинскую, бывшая Большая Ямская. В принципе, многие кварталы уже полностью снесены, и она, конечно, явно властями намечена к сносу. Теперь попытаемся сообразить, что же сделать, чтобы довольно большую территорию защитить, хотя это почти, на мой взгляд, невозможно. Но, тем не менее. Я была приглашена на защиту этих трех домов, которые составляют квартал уже снесенных приблизительно сорока домов. И вот, когда я увидела эти дома, тоже обреченные, а после этого мы ходили все-таки по улицам, в том числе с нашей сегодняшней награждаемой премией Алексея Ильича Анной Давыдовой. И вот... Это вот Почаинский овраг, который находится рядом с кремлем. И я увидела, например, Плотничный переулок, такой вот шедевр. С одной стороны все снесено, а с другой — вот такая кривая-косая безобразная застройка. Правда, хочу обратить внимание, что эта застройка лучше другой, многоэтажной, и даже местные архитекторы признают в ней какие-то достоинства, видимо, по контрасту с еще более худшей. Я, к сожалению, при всем уважении, смотрела на все эти кривые-косые фасады без такого восторга. А вот сторона противоположная этого Плотничного переулка — сплошные шедевры. У меня нет времени, чтобы показать подробно все дома, но вот посмотрите на уровень детализации этих домов. Это действительно шедевры без всякого преувеличения. Вся четная сторона пока что целая. Я говорю своим спутникам: друзья, вот вы меня пригласили на те три обломка, с которыми в общем-то все ясно — они обречены. Надо

работать с опережением, потому что надо защищать еще какие-то целостные комплексы. Кстати, когда на организованном Натальей Олеговной Душкиной в сентябре форуме на «Стрелке» я показывала именно эти же дома (была международная конференция, посвященная сохранению городской среды), и наши уважаемые коллеги из Франции после демонстрации этих домов поднялись (как-то им очень это запало в душу), и они закричали: как же так, вот у нас бы эти дома обязательно кто-то купил и отреставрировал и там бы с удовольствием жил! Таковой была реакция наших коллег. Очень важно всегда ссылаться на мнение иностранных экспертов. Нас ведь уверяют, что мы сами мало что понимаем, а вот за границей все знают. Но, к сожалению, французские коллеги совершенно не знают нашей действительности. Вот, значит, такие потрясающие дома. Там и модерн, и чего только нет. А это уже на соседней улице. И последний пункт моего доклада. Это просто информация последних дней. Тут я бы хотела, чтобы потом, во время дискуссии на эту тему, коллеги выступили. Это материалы, присланные музеем города Боровска Калужской области. Перед вами церковь 1712 года села Комлево, древнем имени Синявинных. 4 км. от Боровска на юг. Напоминаю, что семья Синявиных дала пять адмиралов. Это такая совершенно уникальная семья, наша военная слава, которая, кстати, во всяком случае, об этом говорят, в наши дни очень важна. Сам храм был к 60-м гг. уничтожен, но, естественно, осталось большое кладбище, которому несколько сотен лет.

Есть остатки усадьбы.

В феврале месяце тут появился молодой священник, и начались земляные работы для строительства нового храма. Земляные работы велись, по рассказам сотрудников музея, частично на месте алтаря храма и прилегающего кладбища. На запрос директора музея министра Калужской области — допустимы ли такие строительные работы, потому что тут же в большом количестве пошли кости, поскольку они внедрились прямо в древнее кладбище, где в том числе покоятся и наши адмиралы, и их семьи захоронены, — министр Типаков ответил (есть эти все письма), что ни объектов архитектурных, ни археологических (это к вопросу о мониторинге, учете и контроле) в Комлево не значится, поэтому там допустимы любые работы. Любые!!!

Это фотография только одного ящика, а таких ящиков там несколько десятков. Т.е. уже под давлением сотрудников музея стали все-таки собирать эти черепки. Но черепки выложены рядами в ящики, как кочаны капусты, а другие кости свалены. Вот так все перемешано, и так вот стыдливо прикрыто.

В последнюю пятницу вечером на канале «Москва 24» (мне позвонили коллеги из Боровска) показали этот материал, показали священника, который показал перед камерой письмо, где ему разрешено все. Любые строительные работы.

Видимо, в голове у него совершенно ничего не возникло, когда пошли кости. То есть никаких представлений о том, что нельзя разрушать могилы, это в его сознании вообще отсутствует. Я, так вот глядя

на этого священника, извиняюсь, поняла, что это просто такой «братан» в рясе. Кстати, на сегодняшний день на директора Морозова Боровского музея священник и его братва подали заявление в прокуратуру, что он препятствует строительству храма.

И в связи с этим (я, к сожалению, не очень владею законодательством в области археологии, потому что все кладбища — это уже чистая археология) мне бы хотелось от наших коллег услышать профессиональные комментарии. Потому что я вчера с кем-то из экспертов посоветовалась и поведала о рассказанном здесь тем из них, кто в основном работает по Москве. И с удивлением из их рассказов узнала, что у нас, оказывается, все эти кладбища, если они не на территории утвержденного исторического поселения, являются абсолютно беззащитными. Мне говорят, да что ты, это нормально, это и в Европе такое, в городах особенно. Вот наткнулись на древнее кладбище, ничего страшного, потом все эти кости перезахоранивают. Я как-то вот не уверена в том, что это все правильно.

Ну, и к вопросу о «неучтенном наследии».

Так, большинство наших активистов, которые не имеют списков памятников, уверены в том, что вот уж церкви-то у нас, церковные здания на территории страны, имеют охраненный статус. Да нет, к сожалению, очень много храмов XVII, XVIII, XIX столетия, уже не говоря о кладбищах, такого статуса не имеют. Тем более если храм разрушен. Тут вообще, как говорится, непаханое поле — почти ничего не учтено. Это, собственно говоря, все. Спасибо.

Н.О. ДУШКИНА:

У меня есть вопрос.

Екатерина Антоновна, я знаю, что у вас была очень сложная история с экспертизой по Нижнему Новгороду, что одну экспертизу отзывали, подменяли ее другой экспертизой. Объясните, пожалуйста, суть этой истории.

Е.А. ШОРБАН:

Как раз по поводу этих трех домов, полуразрушенных, которые вы видели.

Там борьба с заключением в их защиту проведена двумя методами. Первый метод — была взята моя экспертиза, посвященная тому, что эти здания достойны включения в государственный реестр, экспертиза была, насколько я знаю, передана «покупному» эксперту из Омска и он, даже не меняя в общем-то содержания многих частей, где описаны сами дома, поменял мои выводы на обратные.

А второй метод борьбы таков.

Управление охраны памятников Министерства культуры Нижегородской области заявило, что я экспертом по этому виду работ не являюсь. И мне даже звонил следователь. Ну, у меня на руках не было какой-то бумаги, я его адресовала на сайт Министерства культуры РФ, но и в Министерстве федеральном они не нашли достаточных оснований, чтобы понять, что я являюсь экспертом.

Кстати, только что мы с Еленой Геннадиевной Щеболевой с этой же методикой борьбы с неудобными экспертизами сталкивались в Рязанской области.

Методы самые элементарные.

К сожалению, у нас нет времени доказывать, что мы не верблюды, я не могу бороться с ветряными

мельницами. Вот тут я бы хотела, опять-таки, чтобы нам как-то определиться, адресовать вопрос представителям Министерства культуры и близким к нему людям.

Так вот: нас нет, мы не эксперты, или все же эксперты?

Так что, опять-таки, прошу помощи. Видимо, мы должны как-то даже одним из решений нашего заседания сделать пункт о помощи экспертам, чтобы мы не тратили время на доказательство, что мы эксперты.

АННА ДАВЫДОВА:

Я просто хочу исправить небольшую неточность, допущенную в отношении достопримечательных мест Нижнего Новгорода.

Они, к сожалению, не утверждены, т.е. не являются статусными.

Они, на мой взгляд, обоснованно таковыми считаются, все это очень красиво. Утверждены они не были, хотя их все одобрили на всех уровнях, сказали все здорово. Сейчас эта территория уже очень сильно съезжилась.

А Екатерине Антоновне огромное спасибо за такое трепетное отношение к Нижнему Новгороду.

Действительно, там все делается не по делу. И в отношении повторных экспертиз — это совершенная правда. И это не единственный такой случай, когда заказывается повторная экспертиза с противоположными выводами. Совершенно понятно почему.

Спасибо.

Ю.А. ВЕДЕНИН:

Я хотел бы сейчас, прежде всего, поговорить не в целом о том, как у нас организована охрана (по моему, Катя сказала об этом достаточно четко), а все-таки о той теме, которую мы заявили: об ответствен-

ности экспертного сообщества. Проблема на самом деле очень большая, потому что у нас есть как бы официальное экспертное сообщество, двести девяносто с лишним государственных экспертов, которые были аттестованы специальной комиссией, и есть приказ — на сайте Министерства мы все можем увидеть их имена. Когда Аттестационная комиссия Министерства культуры определяет экспертов, на что она смотрит? Она смотрит, прежде всего, на наличие диплома о высшем образовании по определенному профилю, на стаж работы и на то, каков опыт работ кандидата, что эксперт делает. Это, конечно, правильно, это необходимо. Но при этом, естественно, совершенно не учитывается то, что, может быть, является для эксперта самым главным, что отличает его от других специалистов. Это прежде всего честность, неподкупность, умение противостоять начальству и даже умение противостоять своему корпоративному сообществу (потому что мы постоянно сталкиваемся с суждением по принципу — «свой–чужой», и легко иногда это проходит). Это, к сожалению, нельзя обнаружить вначале, такой подход к делу обнаруживается уже только тогда, когда человек начинает работать. И вот здесь мы уже сталкиваемся с такого рода экспертизами, о чем говорил и Лев Исаакович, и Катя, потому что такие случаи довольно часты. Вместе с тем я хотел бы сказать, что все-таки мы все время ставили вопрос о необходимости (я потом об этом скажу) лишения конкретных людей звания государственного эксперта. Нам Министерство сказало, что это невозможно, потому

что в Положении об государственной экспертизе такого пункта нет. Но зато есть четкий механизм продление сроков пребывания в этой должности. И этот механизм начал действовать. Я посмотрел, что у нас сейчас за конец прошлого — начало этого года уже 6 человек лишены звания государственных экспертов, т.е. приостановлена их деятельность (это я потом скажу), это московские и петербургские товарищи.

Я постараюсь очень коротко, буквально бегло сказать, с какими проблемами мы чаще всего сталкиваемся в процесс прохождения экспертиз, на методическом совете, с какими случаями наиболее часто встречаешься на заседаниях аттестационной комиссии.

В прошлом году мы столкнулись, например, с совершенно потрясающим событием, для нас оно было очень существенно.

Это постановление правительства Самарской области, на основании которого более трехсот выявленных объектов культурного наследия в городах Самаре, Сызрани, Тольятти были лишены своего охранного статуса. Имея в виду такую тенденцию, мы, т.е. кто аттестуют экспертов, сейчас стараемся сократить число тех, кто имеет право исключать памятники из списка. Но этого недостаточно, потому что оказывается, что очень часто они исключают памятники, не внося их в списки выявленных объектов. То есть они фактически занимаются как бы официально включением в список, а на самом деле они исключают. Вот пример по Самарской области. Это было видно, потому что мы потом смотрели эти экспертизы, они абсолютно казенные, сделаны непрофессионально, там нет

обоснования, почему этот объект снимается. Просто это мнение эксперта, и все. И сделаны под копирку все 300 экспертиз, которые прошли спокойно. На основании этого были приняты постановления. И более того, когда Министерство культуры РФ даже выступило с протестом (по крайней мере, попытка такая была), область просто не послушалась и сказала: извините, у нас есть заключение государственных экспертов, которых вы квалифицировали как людей достойных, и мы в соответствии с этой экспертизой принимаем решение.

Почему об этом важно говорить? Потому что это достаточно часто встречается. Вот мы с Владимиром Ивановичем Плужниковым проехали по дороге Москва–Петербург, мы были на приеме у градоначальника Валдая, и нам дали список, по-моему, около 30 выявленных объектов. И хотя они выявлены, местное руководство считает, что они вообще-то не должны стоять на охране. Владимир Иванович прошелся бегло по ним (у нас мало было времени), но он прошелся по этим зданиям, увидел, что среди них много очень достойных, очень хороших объектов. Тем не менее, я думаю, что вполне возможно, что найдется какой-то товарищ, который спокойно даст отрицательное заключение. И есть много людей, которые могут это сделать.

Ирина Михайловна Смирнова, может быть, об этом более подробно расскажет. Например, о случае в Орле, когда тоже привлекали экспертов для такой цели.

Вот ещё одна ситуация. Сейчас формируется реестр, а для перевода в реестр памятников, находящихся в старых списках, необходима опять экспертиза. И вот на основании

этого творится произвол. Я ознакомился с одним из объектов Орловской области, попавших «под удар», но, настолько я понимаю, под угрозой такого удара находятся и все остальные, по крайней мере, очень многие памятники Орла, где этим занимается наш эксперт Волков... То же в Самаре. Я и здесь назову фамилии экспертов — это Нестеренко из Казани и Слабуха из Красноярска. Они сделали целый список просто «убиенных памятников». Есть и еще один повод, которым пользуются очень часто для снятия памятника с гос. учета: в старых списках имеются какие-то прорехи, недомолвки: есть какие-то ошибки при утверждении. На этом основании памятник исключают из списка. Здесь уже упоминалось такое понятие, как «достопримечательное место». У нас, как вы знаете, есть следующие объекты недвижимого наследия: памятник, ансамбль, достопримечательное место. Памятник и ансамбль предполагают очень строгий режим использования территории (т.е. там на них не распространяется градостроительный регламент, там просто строить нельзя), то в достопримечательном месте строить можно. То есть фактически достопримечательное место по своим регламентам повторяет режим зоны охраны, то есть там действует тот же самый механизм. Я, в принципе, нормально отношусь к достопримечательным местам. Неслучайно сейчас очень часто многие музеи-заповедники переводят свою территорию в категорию достопримечательного места, и это очень хорошо, потому что вся территория становится объектом наследия. Внутри них находятся памятники, но — самое главное — эти памятники продолжают оставаться

памятниками, т.е. на их территории действует соответствующий такому статусу режим. Хотя в законе об этом не очень четко сказано. Самая же ужасная ситуация — когда статус достопримечательного места распространяется на небольшую территорию. Яркий пример — «Динамо». Взяли небольшую территорию, включив туда стадион «Динамо», объявили это достопримечательным местом, но при этом забыли о том, что «Динамо» является памятником регионального значения. И когда начали делать предмет охраны для достопримечательного места, то сам памятник фактически забыли, то есть он просто стал объектом капитального строительства, который находится на этой территории.

Естественно, так поступили умышленно. Делается все умышленно, я в ошибки не верю.

Понимаете, в чем вся беда? Потому что на самом деле очень многие наши коллеги весьма профессиональны, и они профессионально делают и это. Но делают профессионально, исходя не из интересов памятника, а исходя из запросов тех, кто им заказывает нужную экспертизу.

Я знаю, что движение «Архнадзор» обвинило московские власти и девелоперов в создании преступной схемы обхода охранного законодательства, заявляя, что в тексте приложения постановления была совершена подмена понятий, благодаря которой стадион «Динамо» перестал считаться памятником архитектуры, а стал достопримечательным местом, статус которого позволяет вести новое строительство.

Такие примеры известны не только в Москве.

В Петербурге у нас у всех на слуху был пример Охты, где мы боролись с башней Газпрома. Так вот, за это время эту территорию, где находятся памятники археологии, остатки крепости Ниеншанц, перевели в категорию достопримечательного места, и таким образом, в соответствии с этим постановлением, там фактически было разрешено строительство. В данном случае здесь была получена положительная экспертиза петербургских экспертов Лагунина, Свешниковой и Степановой. И эта экспертиза фактически открыла путь для застройки этой территории. Но, к счастью, общественность Петербурга проявила большую активность, в суд были поданы необходимые документы, и суд признал правоту истцов, отменив решение о распространении статуса достопримечательного места на Охтинский мыс. Этим решением суда постановление петербургского органа охраны было дезавуировано, но это было сделано не благодаря экспертному заключению, а вопреки экспертному заключению.

У всех у нас на слуху в течение нескольких лет была проблема застройки Архангельского.

Как вы знаете, был старый проект Архангельского. Для того чтобы ликвидировать существовавшее положение, передать близлежащие охраняемые территории некоторым финансовым структурам (была конкретная фирма «Ренова» Вексельберга), был сделан новый проект зон охраны, который резко сократил территорию памятника. Более того, частично территория памятника была переведена даже не в охранную зону, а в зону регулируемой застройки. Это как раз то место, где сохранялись пейзажные

парки, которые были сделаны еще при Юсупове. Была проведена работа, парковая реставрация, которая показала, что там есть предмет охраны, и эта территория может быть реставрирована, частично воссоздана. То есть она представляет... там разные термины можно употреблять, но, тем не менее, она представляет собой несомненную историко-культурную ценность. К сожалению, опять-таки появилась экспертиза господ Тренина, Вержбицкой и Пуришевой, которая одобрила решение об изменении статуса. И нам пришлось проводить несколько заседаний Научно-методического совета для того, чтобы дезавуировать эту экспертизу. Более того, фактически мы требуем приостановки полномочий этих экспертов.

Я хочу сказать почему сейчас это очень важно? Потому что эта история продолжается.

Я несколько дней назад был в Министерстве культуры, где, как вы знаете, не прекращаются попытки захвата территории музея. Музей уже практически отказался от части территории (причем той, что является территорией памятника), и заключено соглашение между лесным ведомством и «Реновой» о передаче её им в аренду. В этом соглашении только говорится, что это территория памятника, но все остальное, что касается необходимости разработки проекта реставрации и использования, необходимости слежения с тем, чтобы работы выполнялись только уже в соответствии с этим проектом и под надзором специалистов, все это исключено. То есть был сделан подлог, откровенный подлог. Министерство культуры Московской области, которое вставило как раз

разделы о проекте реставрации в этот договор, даже не знало о том, что их выкинули, а потому фактически отказалось от направления этого дела в суд. И суд ушел от его решения.

Такая же проблема встает достаточно часто. Наверное, вы слышали про Баболовский парк в Петербурге. По заказу Царскосельского гольф-клуба Санкт-Петербурга эксперты Иониди, Мясникова и Степанова провели экспертизу, в которой одобрили решение о размещении в южной части Баболовского парка гольф-поля. Кстати, они же по заказу той же компании позволили строительство 71 коттеджа в этом парке. Но как раз они — Иониди, Мясникова и Степанова — попали в упомянутый список лиц, которых лишили звания государственного эксперта. Вообще, стремление потрафить заказчикам, как мы сейчас видим, — проблема достаточно часто возникающая при разработке зон охраны.

Я вот столкнулся с двумя такими случаями. Один связан с Радонжем, где фактически было предложено узаконить явно незаконный отвод земель под дачно-садовые кооперативы, которые находятся в центре этого городка. К сожалению, и проектировщики пытались проташить это дело, и эксперты его тоже не остановили. Это пришлось делать уже потом и на методическом совете, и на Общественной палате, где все-таки удалось доказать, что нельзя этого делать. И сейчас все повторяется. Я вот только несколько дней назад был в Сергиевом Посаде. Опять эта тенденция продолжается. Вначале один и тот же институт делает и генеральный план Сергиева Посада и зоны охраны. Причем в начале

делается генеральный план, а зоны охраны потом подверстываются, и затем в рамках территории охраняемого ландшафта в середине вырезается огромный кусок для строительства, который в данный момент заказала Лавра. То есть, конечно, всегда находятся заинтересованные люди, заинтересованные организации, которые стараются внедриться в хорошие территории. А это зеленая зона, вокруг природа, которая входит клином туда, к центру, очень приятно там, я понимаю, находиться, но это данную территорию полностью разрушает.

Тут еще один момент. Я думаю, что об этом, может быть, Рустам поговорит. О самом процессе работ по сохранению наследия по этапам. Последний пример — это Круговое депо Николаевской железной дороги. Фактически, благодаря экспертам был дан зеленый свет для разрушения этого уникального памятника, уникального, потому что не так много такого рода сооружений осталось в мире. Самое первое в России.

Мне хочется сказать, что здесь в качестве экспертов вновь фигурируют одни и те же люди. Это опять Тренин, это Савельев и, к сожалению, Виктор Алексеевич Виноградов. Хочу сказать, что, по крайней мере, Виктор Алексеевич Виноградов и Олег Викторович Савельев тоже сейчас лишены права заниматься историко-культурной экспертизой. Лев Исаакович сказал еще об одном очень распространенном явлении — о случаях, когда уже проведенная экспертиза не устраивает заказчика, и он передает заказ другим экспертам.

Причем, что самое сложное, мы, как правило, не видим отрицательных экспертиз, которые были

бы оформлены до конца. Органы охраны или заказчик знает уже, что будет негативное заключение, и уже на этом этапе эта работа забирается у первого эксперта и передается другим.

Приведу пример с Соловками, на которые была дана фактически отрицательная экспертиза на зоны охраны. В результате передали заказ другим товарищам, петербургским, здесь я уже не знаю, что, корпоративная солидарность или что-то еще. Это Никита Игоревич Явейн, Татьяна Андреевна Славина, которая у нас очень хорошо известна как эксперт, который дает огромное количество экспертиз, явно вызывающих возражения. И уже кто третий я запомнил. Ну, я считаю, что тут есть еще такая традиция — эксперты это знают хорошо: третьим будешь? Когда два есть, а нужно троих, и вот привлекают третьего. Иногда это на самом деле реальные специалисты, которые знают это дело, и входят не просто так, в качестве третьего, а входят для того, чтобы работать. А иногда это таким образом бывает.

Что же является причиной?

Мне кажется, одна из самых главных — это отсутствие гласности, потому что мы абсолютно не знаем, какие экспертизы идут, кто делает экспертизы, что там написано, каков результат в итоге. Они не вывешиваются на официальном сайте Министерства культуры.

Мы пытались, когда делали закон, внести соответствующие поправки к закону, чтобы было записано в специальной статье: экспертизы должны быть гласными, они должны вывешиваться на сайте министерства, соответственно либо федерального, либо регионального. Этого, к сожалению, нет.

Второе, конечно, это ангажированность. Это — прежде всего. С ней мы встречаемся очень часто.

И что нужно сделать для её устранения? Вывешивать все экспертные заключения на сайтах, причем до того, как этот проект будет утвержден соответствующими органами власти. Не после, а перед. Потому что сейчас мы очень часто сталкиваемся с тем фактом, что заказанные экспертные заключения уже утверждены. Как, например, сейчас с Соловками: утверждены зоны охраны уже, а мы ведь знаем, что там есть очень много возражений, очень много недостатков. А теперь бороться с ними очень сложно. Вторая позиция мне тоже представляется очень важной.

Ведь раньше мы экспертизы проводили в основном на научно-методических советах, на заседаниях его секций. Туда приносили работы, мы их обсуждали, это было гласное обсуждение. И мы выносили свое решение: утвердить или говорили о том, что нужны какие-то поправки, коррективы, или вообще считали необходимым отклонить проект. Сейчас этого нет, и это очень жалко.

Мне кажется, что вот такой механизм надо включать вновь, во всяком случае, проводить такие обсуждения по наиболее важным объектам, бесспорно, таким как объекты Всемирного наследия, по многим федеральным памятникам, по зонам охраны исторических городов, а также по тем объектам, где мы уже знаем, есть дискуссия властей с общественностью. Это необходимо.

И третье — это, наверное, более действенный контроль соблюдения регламента и законности ведения экспертиз, который абсолютно необходим.

Может быть, в Положении об экспертной деятельности должно быть записано, что после уже каких-то обнаруженных негативных, тем более криминальных случаев не следует дожидаться трех лет для переаттестации эксперта. Потому что за три года своей деятельности вот человек нечистоплотный сможет принести еще много неприятностей. И это должно быть записано как раз в нашей резолюции. Спасибо большое.

Н.О. ДУШКИНА:

Откровенно говоря, не предполагала сегодня выступать. Я больше сталкивалась с международной экспертизой ICOMOS, проводила экспертизы на включение объектов во Всемирное наследие. И через мои руки прошло большое количество объектов, многие из них сейчас находятся в списке ЮНЕСКО. Это очень тяжелая работа, потому что проводится в небольшой промежуток времени, и необходимо освоить огромный пласт материалов за короткое время, все это на иностранных языках, и большой отчет пишется также на языке.

Чем отличается наша экспертиза от международной? Нашу отечественную я проводила, пока не установили списки аккредитации, и никогда не подавала на нее документы, должна сказать. Первое, что делают международные эксперты, если их приглашают (это, вообще, считается большой честью, т.е. к тому моменту человек должен обладать какой-то репутацией, прежде всего, научной), — подписывают кодекс этики. Это строгий документ. Если вы нарушаете его положения, то просто вылетаете как пух из экспертного списка. Текст известен, его можно перевести

на русский язык и взять в качестве образца применительно к нашей реальной ситуации.

Второе, конечно, это коллегиальность обсуждения. Решение эксперта не является финальным, как сейчас у нас. А ведь на самом деле все происходило так. Шевчук (глава Москомнаследия в эпоху Лужкова) в своем кабинете рассуждал: давайте введем персональную ответственность каждого эксперта (ведь все же решалось в кабинете), мы сделаем так, как делает Всемирное наследие — будут у нас подписывать единолично, и на основе этой подписи мы будем почти что европейцы. Но вот не получается! Мы видим огромное количество варварства, просто варварства, связанного с экспертным сообществом.

В международной экспертизе, повторяю, решение эксперта не является последним словом, последовательно проводятся три панели коллегиального обсуждения. У нас же это было механически отрезано, и понятно, почему.

Третье, что существует — очень ясная система оплаты. Установлены тарифы, и они мизерные. По сути дела (я об этом говорила публично и ранее, и могу сейчас повторить), проведение экспертизы, будь то исторический город, либо отдельный памятник — оплачивается в размере 500 долларов за все, плюс гостиница и проезд до места. Оплату производит ICOMOS или Центр Всемирного наследия в случае мониторинговой миссии. То есть, экспертиза независима и за качество работы человек отвечает своим именем.

Примерно представляя, сколько получают эксперты в России, какие непомерные суммы озвучиваются

(например, на съезде градозащитников Алексей Ковалев огласил миллионные суммы, которые заказчик платит эксперту), мы понимаем, что здесь разрыв огромен. Когда «государственная» экспертиза проводится на деньги заказчика проекта или девелопера (как получается у нас), независимости как таковой не получается.

Необходимо регулирование политики государственной историко-культурной экспертизы. Государство должно заявить и установить совершенно точные, прозрачные цены на отдельные типы памятников, которые будут сдерживать заказчика, с одной стороны, и все-таки одергивать человека, если ему будут предлагать делать ангажированную экспертизу. Более того, если при такой системе будут даваться какие-то лишние деньги, то это будет автоматически подпадать под действие Уголовного Кодекса РФ. Я, извините, говорю прямым текстом. Но если эксперта можно подкупить?

Вот почему люди ломаются, почему они пишут неправду, почему предают научные принципы? Я думаю, единственная причина, которая существует, по-видимому, они не могут устоять перед суммами, которые предлагаются за подпись под отрицательной, ангажированной экспертизой. Пусть меня кто-то опровергнет и скажет, что это не так. Я буду просто бесконечно рада.

И еще одно обстоятельство, о котором необходимо сказать. Российская ситуация требует абсолютной гласности, прозрачности экспертиз, вывешивания этих документов на сайтах.

В этом одно из отличий от международной экспертизы: там важнейшая позиция — соблюдение

строжайшей конфиденциальности. Это должно, во-первых, исключить какой-либо международный скандал, если эксперт начнет преждевременно говорить о своих решениях и это вызовет реакцию какой-то страны. Поэтому все держится в строжайшем секрете, переписка вся в секрете идет, полностью confidential. При этом здесь, конечно, исключен какой-либо подкуп. И есть прохождение через коллегиальное обсуждение, что и решает проблему. Иногда коллегиальные решения противоречат выводам экспертов.

Мне кажется, надо опираться на те здоровые основания, которые существуют в международном плане на самом высоком уровне. Хочу напомнить, что экспертиза проводится в рамках Конвенции Всемирного наследия, которую Россия подписала в 1988 г. Конвенция, я всегда это повторяю, распространяется не только на объекты, входящие в список Всемирного наследия. Ее высокий смысл состоит в том, что те стандарты, которые установлены в мире, распространяются и в отношении всего наследия в стране. Вот это очень важно. И мне кажется, что бумага, которую очень бы хотелось выработать в результате работы сегодняшнего круглого стола, послужила бы делу усовершенствования методологии проведения экспертизы и ее параметров. Мне кажется, это было бы действительно реальным итогом нашей встречи. И, конечно, последнее (не раскрываю эту тему). С экспертизой связаны такие важнейшие вещи, как вообще лицензирование в области проведения работ по реставрации. Мы знаем, что иногда лицензия покупается, да еще бессрочная.

Вот с этической точки зрения все это не выдерживает критики. И второе, конечно, это кошмарная, губительная вещь — тендеры. Когда есть сочетание ложной экспертизы, ложного лицензирования и тендеров, когда на памятник приходят люди, впервые взявшие инструмент в руки, — становится ясно, что наследие в таких условиях мы удержать не сможем. И это при всех колоссальных проблемах, о которых Катя Шорбан говорила и показывала нам эти руины.

И.М. СМИРНОВА:

Уважаемые коллеги!

Меня зовут Ирина Михайловна Смирнова, я заместитель генерального директора музея им. Бахрушина по развитию, в настоящем эксперт, второй раз переаттестована. Нашему музею принадлежит 32 объекта недвижимости, из них подавляющее большинство памятники.

Я буду выступать от обратного, как практик, так как здесь собрались люди, которые, наверное, не могут не заниматься памятниками. И я хочу сказать, что сейчас это очень сложная и болезненная область. Случилось так, что я на практике знаю системные проблемы — и министерские, и сообщества. В прошлом, недалеко или далеко, я архитектор-реставратор первой категории, руководитель мастерской Центральных научно-реставрационных мастерских, имела прекрасных учителей и до сих пор со многими коллегами работаю и нахожусь в творческом содружестве. Но кроме того я несколько лет работала в министерстве. Для меня экспертная деятельность — это, с одной стороны, ответственность, а с другой стороны,

огромная радость. Почему? Потому что экспертиза вскрывает очень многие проблемы, и человеческие, и проблемы отрасли, и, как правильно сказала Наталья Олеговна, проблемы тендеров, которые в этом году стали еще жестче, еще хуже, и проблемы взаимопонимания.

И в то же время она дает возможность обсудить с коллегами-профессионалами, людьми неравнодушными, судьбу какого-нибудь конкретного памятника, которым ты занимаешься.

Анализируя свою работу начиная с 2011-го года, когда я стала заниматься экспертизой, отчетливо видишь промахи. Иногда, будучи третьим в коллективной экспертизе, надеешься на коллег и что-то недооцениваешь или смотришь недостаточно внимательно. Есть вещи, по поводу которых недоумеваешь. Потому что делаешь нормальную экспертизу, но желая продлить памятнику жизнь, находишь, к сожалению, компромиссное решение. А на практике получается что-то безобразное. Такие вещи есть, и их необходимо отслеживать.

Я хочу сказать, что в действительности независимой экспертизы у нас нет. Экспертиза зависит от очень многих обстоятельств.

Во-первых, памятник невозможно сохранить без наличия материальных средств. Как правило, экспертизу заказывает пользователь, который этот памятник купил или арендовал, у него бывают страшные охранные обязательства, иногда очень неразумные.

Я приведу пример: одна из последних экспертиз — она еще не прошла согласование — была заказана Министерством культуры Московской области. Это усадьба Вяземских под Серпуховым, в Пушчине-

на-Наре. От нее остались, собственно говоря, валы, территория обезображенного парка, центральная аллея которого доходила до крутого обрыва реки Нары, и руина главного дома, приписываемого Львову???

На этот дом нашелся пользователь — хороший он или плохой — не знаю. И вот, делая экспертизу, я перепечатывала 10 страниц предмета охраны, т.е. того, что нельзя изменить. Но ведь это руины с рухнувшими стенами и без кровли, она ведь погибающая! И вот я перепечатывала этот предмет охраны и думала: боже мой, кто ж его написал и о чем он думал? Исполняя все это, здесь ничего не сделаешь! И я даже предположить не могу, чем закончится эта история.

Столкнулась, например, с такой вещью. Екатерина Антоновна Шорбан говорила совершенно правильно о реестре. На самом деле, списки есть — но они не вывешены, был мониторинг — но он закрыт. Мы пытались его сделать прозрачным и легальным, но это невозможно. Почему? Потому что объекты культурного наследия, нами горячо любимые, превратились в особый вид недвижимости. А недвижимость всегда в цене, и всегда есть пользователь.

И вот для меня и для моих коллег экспертиза — это популяризация памятника, это возможность повернуть пользователя лицом к памятнику, заставить его увидеть памятник другими глазами, это возможность привлечь на сторону памятника органы охраны памятника. Но работать как с обычным частным пользователем, так и с госорганизацией очень тяжело. Одновременно с этим следует сказать, что профессиональный

уровень реставрационных проектов очень сильно упал. Иногда даже поступают материалы проекта в электронном виде. Ты даже не понимаешь, что ты видишь, просто не понимаешь, кто же сделал это? Появилась масса непрофессиональных лицензированных организаций — у них лицензия есть абсолютно на все, а специалистов нету. Приходят молодые люди, которые закончили архитектурные колледжи, МАРХИ, но они не понимают, с чего начать, чем закончить, они не умеют чертить, а делают какие-то очень безликие 3D-модели, и эксперту, собственно говоря, приходится заниматься сопроектированием. Поэтому практически нет такой экспертизы, которая длится месяц. Коллеги, ее нету! Экспертизы длятся иногда годами! Заказчику нужна положительная экспертиза. Но выполнение ее — процесс, безусловно, очень долгий, и начинается он обычно с того, что пользователю говоришь: «Будьте любезны, напишите обращение в госорганы охраны памятников, чтобы вам дали точное наименование объекта культурного наследия». Вот тут и начинается. Ну, например, та же усадьба Вяземских на Наре. Выдали охранное обязательство пользователю на памятник, который вообще никогда на охране не состоял, не входил в комплекс парадного двора. И тут начинаются архивные изыскания. Говоришь: пожалуйста, напишите в госорганы и закажите старый паспорт, первичную учетную документацию на памятник. Присылают копию — спасибо всему сектору Свода Института искусствознания, они всегда стараются оказать помощь и найти материал.

И вот тут открываешь паспорт и видишь — мама дорогая! Три флигеля парадного двора в 1974 году еще были живы или стояли, в 1975 году паспортизированы, но все забыто. В паспорте было все написано, все указано, обозначена территория памятника и показано, что парк стоит на охране. Но ведь в этот паспорт никто не смотрел, и сейчас земля этой усадьбы вся поделена, все распродано, масса парковых участков находится в частной собственности, уже построены коттеджи. Новая территория памятника утверждена госорганом охраны памятников, и она доходит до первой поперечной аллеи. Начинаем вступать в диалог с госорганами:

— Уважаемые, ну как же так, есть паспорт такого-то года, где сказано, что стоит на охране региональный парк. Почему так?

— А та земля чужая.

Я говорю: но ведь главная парковая аллея, основная композиционная ось усадьбы, не может не доходить до реки, потому что там по всем архивным планам, которые приложены, стоял парковый павильон, который замыкал эту визуальную связь между главным домом и парковым павильоном.

— Нет-нет, это не ваша прерогатива, все уже утверждено, если бы не было утверждено, не было бы и проекта зоны охраны.

Переговоры с госорганом продолжаются, но тут вступает пользователь: мы так долго все это заказывали, оплачивали, мы хотим заниматься памятником, мы вас очень просим — согласитесь с этой территорией.

Великий путь компромисса.

Я хочу сказать, что условия тендера иногда даже опытного

проектировщика ставят в затруднительное положение, потому что сроки разработки проекта таковы, что уже все тендерные условия прошли, а производство экспертизы все продолжается. Из этого я для себя сделала такие выводы: я стала ставить дату начала экспертизы с того момента, как я только первый раз смотрю материалы со своими коллегами, а в конце фиксирую реальную дату окончания экспертизы. Таким образом я могу определить время, затраченное на нее. Есть рекорд — экспертиза (вместе с переработкой проекта) идет четвертый год, и она еще не закончена. О чем еще хочется сказать. В экспертизе по включению в реестр, на мой взгляд, есть очень неправильная позиция: эксперт должен предоставить координатные точки территории памятника. Но я этого делать не умею. И по формальному признаку, несмотря на то, что это действительно памятник, обладающий признаками объекта культурного наследия, и в экспертизе есть прекрасная историческая справка и пр., и пр., я получала постоянные отказы, много отказов, в Москве в особенности. «Извините, у вас нет координатных поворотных точек». Эти точки должны быть в системе координат, принятой в Москве, но существуют разные системы, разные координаты. Это какое-то несуразное препятствие! Ну, я, наверное, приведу один из самых устрашающих примеров, это Орел. Мне позвонили из г. Орла (я там была когда-то, давненько уже, во времена Алексея Ильича Комеча, была федеральным архитектором) и предложили сделать экспертизу. В самом центре исторического

города снимают с охраны объекты и говорят: тут такое прекрасное место, а у нас скоро юбилей, мы надстроим памятник то ли на шесть этажей, то ли на четыре, а то вообще это просто какая-то помойка в центре города напротив Торговых рядов (а они, кстати, хорошо сохранились, были отреставрированы, а в послевоенные годы надстроены профессиональными архитекторами, но достаточно деликатно). Говорю: этого сделать нельзя, никто не возьмется за такую экспертизу. Они мне: эксперты найдутся, поверьте. Мы все это уже проходили. И действительно нашли. И эта экспертиза определила, что объект культурного наследия регионального значения (это предмет экспертизы) не обладает признаками объекта культурного наследия. Читаю, ничего понять не могу. В 2001 г. Совет народных депутатов Орла и Орловской области поставил на охрану порядка 400 объектов культурного наследия, но не прошли полностью чиновничью процедуру — в это время менялось что-то в Министерстве культуры. То есть памятники есть, нормативно-правовой акт есть, но они не памятники в том числе потому, что не определены их координаты. И что произошло в результате? Арбитражный суд г.Орла признал, что они не памятники, т.к. не была соблюдена юридическая процедура, и в подтверждение какое-то серо-буромалиновое письмо из Министерства культуры: да, процедура не была соблюдена — например, отсутствуют поворотные точки координат. Звонят мне из органов охраны: может быть, сходите в суд? Я говорю: я так устала ходить в суды. И, знаете, не хочу связываться с Орлом.

Звонит общественность: ради бога, приезжайте.

Я говорю: хорошо, приеду, потому что 400 памятников стало жалко.

Это было, по-моему, после Нового года.

Приехала туда, посмотрела объекты. Без сомнения, это памятники, однако неправильно проименованные. Конечно, Аптекин, который выступал экспертом, написал, что все вообще не памятник, и название его не то, а тот объект, который называли памятником, давно снесен, и в войну вообще погиб. А инвестор потом сказал, что приехала какая-то дамочка из Москвы, за 20 минут увидела какие-то подвалы засыпанные. Хотя там прекрасные архитектурные детали, это очень хорошая застройка, которая сложно формировалась на культурном слое, где на стрелке находился дворец генерал-губернатора. По этим объектам есть масса справок, материалов.

Экспертиза была болезненная.

156 страниц приложения. Суд с четвертого захода мы выиграли, но тут же пошло опровержение — Смирнова не эксперт, она каким-то приказом чужим аттестована (у меня первая аттестация была дана Росохранкультурой).

И ведь вы знаете, кто-то очень профессионально диктовал. И теперь я езжу в Орел давать показания, так как инвестор подал на меня в суд, потому что я не имела права делать экспертизу и обманула всю общественность города.

А я объясняла, что раз этот памятник пережил 41-й год, и 43-й год, войну, наступление, отступление и стоит, и даже если он не прошел процедуру — он памятник.

Это своего рода пропилеи главной улицы Орла. Слава Богу, дальше нам уже помогали органы охраны:

они быстренько определили все эти точки в каких-то координатах, в градусах, и по формальному признаку все прошло.

Иногда хочется все это забыть, как страшный сон. Но, понимаете, отказаться от этой экспертной работы невозможно. Я тоже, наверное, не идеальный эксперт, но заниматься этим и полезно, и интересно, и, наверное, очень важно. Может быть, это плохо для здоровья, потому что за каждый памятник ты переживаешь — ведь у него такая сложнейшая судьба, он действительно прошел и революцию, и войны, и годы бесхозности, и чего только не претерпел! И когда поднимаешь материалы первичной учетной документации и реставрационные исследования, проникаешься уважением к исследователям 1960–1980-х годов — это были самые лучшие исторические справки, обмеры, паспорта. Это замечательно, что они есть. И я, например, горжусь тем, что в свое время мы успели их отсканировать, и они хранятся на сайте Министерства культуры. Правда, не знаю, можно туда попасть или нельзя. А вот другая проблема — Новоиерусалимский монастырь, вызвавший большие волнения в экспертном сообществе.

Я делала там несколько экспертиз в самых разных компаниях. Меня почему-то утверждал фонд. В результате я попала на экспертизу западного комплекса, реконструкцией которого в свое время занимался еще Козаков. И была потрясена тем, что ужасающий проект на этот комплекс, который включает в свой состав порядка 8 объектов культурного наследия (они все стоят на охране, перечислены), прошел уже четыре научных совета и был

езде рецензентами утвержден. Я, работая с коллегами, написала отрицательную экспертизу. Правда, подписала я ее одна. Не буду называть коллег, они гораздо уважаемее, чем я, и профессиональнее. Был взрыв. Мне сказали — может, не надо? Я сказала — давайте попробуем.

В результате мы продлили эту историю на год, может, чуть меньше. И добились все-таки какого-то компромиссного, но приличного результата. Не будет восстановлено безо всяких на то аналогов и причин каменное завершение церкви больничных палат, не будет боевого яркого раскраса этого комплекса, который в общем-то уже 200 лет является белым, он не будет контрастировать ни с чем.

А что случилось в Новом Иерусалиме? Молодые архитекторы, делавшие проект, не имели определенной профессиональной прививки. Нас-то учили не вылезать. Спасибо всем нашим учителям — и Подъяпольскому, и Борису Львовичу Альтшуллеру, и многим-многим, и Савицкой, — всем тем, с кем мы сталкивались в золотой век российской советской реставрации. Тот, кто прошел эту прививку, очень глубоко понимает, что есть такие вещи, которые реставратору нельзя делать. Иногда это получается, а иногда не получается. Хочется к этому стремиться. Поэтому это дело совести каждого эксперта. Понимаете, иногда бывают экспертизы, когда надо искать компромисс. Все это с коллегами обсуждается очень горячо, неравнодушно. И в результате памятник продолжает жить. Потому что, опять-таки, исходишь из того, что либо мы его должны оставить благородно умирать, либо все-таки, опираясь

на те документы, на которые уже государство потратило деньги, попытаться их с умом и с максимальной пользой для памятника использовать.

С чем еще пришлось столкнуться. Вот говорят про огромные деньги, зарабатываемые экспертами. Слышала, что ходили слухи о том, что Смирнова зарабатывает 2 млн. за экспертизу. Но, по-моему, самая большая моя экспертиза (я честно могу сказать) стоила 100 тысяч, а так обычно где-то 15–30, оттуда еще вынимается НДФЛ. Но несколько раз я сталкивалась с подделкой своей подписи — значит, кто-то брал деньги под мою подпись. В положении об экспертизе есть слова о том, что эксперты несут персональную ответственность за свои решения. И поэтому ни один из экспертов не застрахован от всяческих судебных разбирательств. Это действительно все очень серьезно. Но вот опять-таки я хочу сказать — не заниматься этим невозможно.

Иногда бывают абсурдные ситуации. Например, историко-культурная экспертиза в г. Москве в высотке на Котельнической в доме, где у нас находится музей-квартира Улановой, проведена экспертиза о возможности исключения холодильника — знаете, в стене раньше были холодильники. Говорю: это невозможно сделать. Но кто-то тоже такую экспертизу сделал. Мне кажется, везде должна быть разумная золотая середина и та самая профессиональная ответственность, о которой мы все здесь говорим. И для меня важно, что в процессе экспертизы удается и архитекторов, и заказчиков заразить вот этой работой, связанной с памятниками. Поверьте, это

приносит огромное удовлетворение! И мне кажется, экспертиза — это бесполезное занятие, хотя и очень опасное.

Спасибо.

**ТАТЬЯНА ЕФИМОВНА КАМЕНЕВА,
МАРХИ:**

Уважаемые коллеги!

У меня сегодня были занятия в архитектурном институте, поэтому я опоздала и не слышала, что говорили до меня. Так что прошу прощения, если буду что-то повторять.

Вы все, наверное, согласитесь, что проекты, связанные с сохранением памятников, нужно обсуждать.

Раньше основные проекты рассматривались на заседаниях научно-методического совета, активно работавшего под руководством Алексея Ильича Комеча. Но все рассмотреть на научно-методическом совете в любом случае не удастся, тем более при таком большом количестве памятников, многие из которых находятся в плохом состоянии, когда срочно нужно принимать какое-то решение. Для этого и был задуман и создан институт экспертизы.

По последним официальным докладам, число объектов, находящихся в плохом состоянии, уменьшилось на 50%, но, по моим наблюдениям — а я много езжу по России — оно как раз не уменьшилось, а увеличилось. У меня с собой флешка, и я могу показать не один десяток памятников, превратившихся в руины. Да, действительно средства выделяются, но их немного и они выделяются в основном на крупные значимые объекты. Это Новый Иерусалим, Троице-Сергиева лавра, стены и башни Московского Кремля, дальше будет Новодевичий монастырь и Новоспаский монастырь. А в провинции в это

время все погибает, разрушается, уничтожается... И что печально: памятники погибают сейчас большей частью даже не от времени, не от естественного старения, а гибнут от непрофессиональной реставрации. Таких примеров очень много и становится все больше и больше. Очень часто так называемая реставрация делается вообще без проекта. Иногда, я не знаю, выдается ли разрешение на производство работ. Например, в Смоленске — Соборная гора, ансамбль, федеральный памятник, ограда. Приезжаю, вижу ужасный карниз, не тесаный, а просто сделанный ступенечкой по сетке и оштукатуренный. И ведь это областной центр, где есть реставрационная организация и Общество охраны памятников! Видимо, проекта никакого не было. И тем не менее выдается разрешение на работы. Как же можно было такое согласовать? Конечно, здесь целый комплекс проблем, и я не представляю, как можно исправить эту ситуацию. Чтобы хоть как-то помочь решить проблему реставрации, в МАРХИ мы стараемся для студенческих курсовых и дипломных работ выбирать требующие восстановления объекты в Московской или ближайших областях — Тульской или Калужской. Вот сейчас наша студентка сделала дипломный проект по церкви в калужском Барятине — его можно использовать как основу и доработать. Может быть, с помощью таких «предварительных», заявочных проектов можно искать какие-то средства, спонсоров. Таких проектов в МАРХИ довольно много. Хотелось бы, чтоб они были востребованы. Стоило бы наладить отношения с госорганами охраны памятников, убедить использовать

студенческие работы, чтоб они приносили пользу, а не оставались в стенах МАРХИ.

Извините, я отвлеклась — это другая проблема.

Возвращаюсь к экспертизе. Действительно, аттестация экспертов — очень сложный и тонкий процесс. К сожалению, при аттестации статус экспертов, получающих право оценивать проекты реставрации, получают бывшие работники госорганов охраны наследия, историки или даже юристы по образованию. Но для того чтобы сделать экспертизу реставрационного проекта, недостаточно знания законов или исторических фактов, здесь обязательно нужны профессиональные знания, методики и профессиональный опыт, не говоря уж об ответственности, которую должен взять на себя эксперт. Например, у нас был такой случай с Ириной Михайловной Смирновой, мы вместе делали экспертизу по Никольскому собору в Можайском кремле, где был сделан проект воссоздания ротонды, разрушенной во время последней войны. Этот проект вообще не выдерживал никакой критики. Так мы с этим проектировщиком работали в течение года, если не больше. Заставили их переделывать все чертежи, фасады и разрезы, и прежде всего дорабатывать историческую справку, потому что у них она была очень слабая. Для проекта можно было найти массу фотографий собора — все-таки разрушение ротонды было в 1943 году, — но авторами были представлены просто какие-то открытки конца XIX — начала XX века. И не одной нормальной фотографии. Но даже по открыткам было видно, что все было сделано не так. Пришлось, чтобы не писать

отрицательное заключение, работать с проектировщиками. Это были неплохие молодые архитекторы, но у них просто не хватает опыта и нет руководителя.

Но ведь наша школа реставрации имеет замечательные традиции. Нам с Ириной Михайловной, конечно, повезло — мы работали с Сергеем Сергеевичем Подъяпольским, Борисом Львовичем Альтшуллером. Они были нашими учителями и на своем опыте доказали, что реставрация начинается только тогда, когда проведен весь комплекс архивных и натурных исследований. И, конечно, все реставрационные решения обсуждались тогда сначала в самой организации на научно-методическом совете, а по особо значимым памятникам — в более широком составе. А сейчас все это происходит формально. И в этой ситуации значение экспертизы неизмеримо возрастает.

Это полный бред, когда право решения, согласования проекта получает просто чиновник, работающий в системе государственных органов охраны памятников... Я думаю, что при аттестации экспертов обязательно должен учитываться именно практический опыт работы. И это должно быть записано в положении об аттестации. И конечно же необходимо, чтобы проекты проходили обсуждение. Ведь даже сейчас, когда втроем мы делаем экспертизу — а такие группы экспертов уже сложились, — мы все проблемы обсуждаем между собой и иногда принимаем какое-то решение после жарких споров. Очень хотелось бы услышать мнение коллег по этому поводу.

Еще одна проблема. Она касается не единичных памятников, а исторической городской среды. В этом смысле положение 2008 года

ужасно, потому что вместо зоны охраны на город делается система зон охраны, привязанных к единичным конкретным памятникам.

В результате что происходит в Смоленске? Выбирается памятник регионального значения — маленький домик начала XX века. А рядом находится высокая стена, между прочим, крепостная. И в высотных регламентах вместо высоты дома в 6 метров появляется 20 м — высота стены. А потом находится эксперт, который, естественно, делает положительное заключение, и все это безобразие согласовывается. И еще о необходимости серьезных предпроектных исследований. Вот вам конкретный случай: Большая Краснофлотская улица в Смоленске, набережная Днепра, главная панорама города. Там начали строить здание по согласованному проекту. Но в экспертизе не было отмечено, что нужны полноценные археологические исследования. А там оказался храм XII века — просто случайно шурфом попали на этот храм. Пока, на сегодняшний день, строительство остановили, но не знаю, боюсь, что при нажиме застройщики все равно эту преграду как-то преодолеют. А ведь там выявленный памятник XII века — видимо, Пятницкий храм, который связывали с другим местом. Как мы все знаем, проблем очень много и все они взаимосвязаны. Главные из них — очень слабые госорганы охраны памятников на местах и реставрационная школа. Вернее, ее нет совсем, она разрушена. Если раньше мы говорили о сохранении реставрационной школы, то сейчас надо говорить о ее восстановлении.

В последние годы после длительного перерыва я снова работаю

в МАРХИ. У нас студентов, желающих заниматься памятниками, не так много. Они понимают, что это тяжелый труд, причем плохо оплачиваемый по сравнению с современным проектированием, где выполняются масштабные проекты, где можно себя выразить, проявить. Но, вы знаете, учебная программа построена так, что проект реставрации они должны сделать на пятом курсе, а лекции по методике реставрации им начинают читать в октябре, когда они уже должны этот проект заканчивать. Как это преодолеть, я просто не представляю — поменять утвержденные программы нельзя. Но их все-таки нужно как-то пересмотреть. И реставраторов готовить ровно столько, сколько нужно для проведения этих работ в стране. Потому что они не могут найти себе работу. Наши выпускники много знают, но они не востребованы, потому что мешают осваивать большие средства. В области реставрации столько всяких проблем, что даже не знаешь, с какой же стороны подойти и каким образом все это ввести в нормальное русло.

Думаю, историко-культурная экспертиза может существенно помогать реставрации. Ведь сейчас зачастую именно эксперты помогают доводить до ума реставрационные проекты. И иногда эта работа растягивается на длительное время. Экспертиза для нас необходима, но аттестация экспертов должна быть более объективной и жесткой. Это хороший признак, что в последнее время самым одиозным личностям было отказано в продлении аттестации. Это совершенно правильно. Эксперт должен быть не только неподкупным и объективным, но и высоким

профессионалом, иначе эта работа теряет всякий смысл.

Спасибо!

И.М. СМЕРНОВА:

Я так увлеклась воспоминаниями, что забыла о предложении.

Оно у меня возникло в результате заседания.

Я думаю, что эксперт, написавший экспертизу, должен вывешивать ее на своем сайте, тем более, что все адреса экспертов в министерских приказах указаны. Это элементарно сделать.

Л.И. ЛИФШИЦ:

Я бы хотел наметить следующие выступления:

Во-первых, мы должны послушать «деревянщиков» — у нас их целое сообщество. Это Игорь Николаевич Шургин, наш сегодняшний лауреат Вячеслав Петрович Орфинский и Александр Владимирович Попов. Но я все-таки предлагаю выступать по краткой схеме, иначе все не успеют. Я предлагаю первым выступать Рустаму Эвриковичу Рахматуллину, потом Владимир Иванович, Игорь Николаевич и Вячеслав Петрович. А потом, наверное, наш лауреат сегодняшний Анна Алексеевна Давыдова, если захочет, тоже может выступить.

РУСТАМ РАХМАТУЛЛИН,

«Архнадзор»:

Видимо, ядро нашей темы — состояние государственной историко-культурной экспертизы.

Но вся тема — «Ответственность экспертного сообщества в сохранении культурного наследия» — представляется более широкой.

Прежде всего надо понять, кто такой эксперт. Это не обязательно аттестованный эксперт, пишущий

акты экспертизы по форме ГИКЭ. Только что Наталия Олеговна Душкина сказала, что она не подавала на аттестацию. А ведь она эксперт международного класса. А еще есть эксперты, которые экзаменуют и аттестуют, как присутствующий здесь Юрий Александрович Веденин. Есть и публичный эксперт, тот, кто выступает комментатором по нашей проблематике в СМИ, и, безусловно, у него своя ответственность. Наконец, есть собственно исследовательская ответственность. Еще раз, надо четко представлять, что эксперт — это не только тот, кто прошел аттестацию в Министерстве культуры. Потому что наши оппоненты — чиновники всех уровней — чем дальше, тем больше будут пользоваться этим различием. То есть в конфликтной ситуации эксперту без аттестации будут говорить: «кто ты такой?». Этому нельзя подыгрывать, нельзя допускать снобизм: дескать, вот я аттестованный, а ты нет. Мы должны быть солидарны. Мы ответственны за солидарность: не дать себя рассорить и развести. Теперь об ответственности в поле публичного комментирования. Архитектурный критик, историк архитектуры, архитектор-реставратор, иной специалист — археолог, архивист, краевед — в публичном комментарии несет безусловную ответственность за, как у нас здесь сказано, «сохранение культурного наследия». Он рискует неосторожным, случайным, необдуманном, а может быть, и неискренним высказыванием испортить дело. Следующий аспект ответственности — самоорганизация, для начала — аттестованных экспертов. Это ваша, господа, ответственность, безусловно. Как вы обсуждаете

друг друга. Я знаю только один случай, когда на коллегии Игоря Климентьевича Русакомского обсуждался случай с экспертизой стадиона «Динамо», повлекшей его снос. Возможно, есть еще такие случаи, но они не становятся достоянием гласности.

Коллегии экспертов, которые образовались в последние годы, должны самоорганизовываться в этом смысле. Должны держать за руки своих товарищей, ударять по рукам в каких-то случаях, либо выносить дело на площадку государственной аттестационной комиссии, где Юрий Александрович с коллегами отсеивают этих людей. Аттестованные эксперты должны знать, что их действия не останутся без внимания, что их будут «разбирать», извините за такое слово.

Еще один аспект ответственности — коллегиальность. О чем сказали, по-моему, все. Положение о государственной историко-культурной экспертизе не должно отменить коллегиальность. А случилось фактически так, что до сих пор не все площадки коллегиального обсуждения восстановлены, они восстанавливаются с большим трудом.

Появление «Архнадзора» примерно совпало с выходом Положения о государственной историко-культурной экспертизе, и я помню, как Мосгорнаследие распустило Научно-методический совет, за исключением тех секций, которые занимались материями, не упомянутыми в Положении, например, предметом охраны. И в каком состоянии на тот момент находился Федеральный научно-методический совет, мы тоже помним. В состоянии отсутствия. За эти годы был восстановлен Федеральный научно-методический совет, а сейчас восстанавливается

Научно-методический совет Мосгорнаследия.

Мы несколько лет говорили и господину Кибовскому, и перед тем господину Шевчуку: как вы вырабатываете отношение к полученной экспертизе, вы, чиновник? Вы получаете положительную либо отрицательную экспертизу, либо войну экспертиз, и как вы, чиновник, т.е. не эксперт по определению, принимаете решение? А если это касается отнесения к реестру, как принимает решение глава субъекта федерации, которому вы готовите материал? Как мэр принимает решение?

Здесь возможен лишь один механизм — коллегиальность.

Три года, со времени смены городской администрации, нам не удавалось объяснить, что Научно-методический совет, прямо предусмотренный городским законодательством, должен возродиться. Приведу пример: на Архитектурный совет при главном архитекторе (другое ведомство, другое законодательство) принесли проект воссозданий на хозяйственных дворах Останкинского дворца. Я очень люблю Останкинский музей, то, как он работает, дело не в нем. В процессе обсуждения я задал вопрос: почему реставрационное воссоздание на территории памятника смотрится здесь, на совете у главного архитектора, а не на совете у руководителя Мосгорнаследия? Я получил такую острую реакцию господина Кибовского, что стало ясно: попал в болевую точку. В сухом остатке, мне отвечали, что будут советоваться, с кем хотят. Тем не менее с тех пор ни один реставрационный проект, по моим сведениям, на совет при главном архитекторе не выходил,

а Методсовет при Мосгорнаследии был наконец образован.

Возвращаюсь к началу. Есть риск, что неаттестованные эксперты не будут входить в эти советы. Если Федеральный научно-методический совет, насколько я знаю, сформирован без оглядки на этот принцип, то в Москве тенденция налицо. Наша ответственность и в том, как заработает московский методический совет, как будут работать, и будут ли вообще, региональные методические советы. Экспертная ответственность в регионах состоит и в том, чтобы добиться появления таких советов. Мы должны понимать, как нижегородский губернатор или карельская администрация вырабатывают отношение к актам государственной историко-культурной экспертизы.

Еще одно поле ответственности — бюджетная экспертиза. Если есть полномочие госорганов ее организовывать, то каким образом он выбирает эксперта?

Мы рады возможности проводить бюджетную экспертизу, потому что у заявителей в девяноста девяти случаях из ста нет средств, чтобы оплатить экспертную работу, — но совершенно не понимаем, каким образом выбираются исполнители работ.

Далее, эксперты работают в разных правовых полях. Отчего-то в Москве начальство решило: заявленный памятник — это такой, по которому принесена рекомендация с экспертизой, но еще не читана. А подмосковное начальство считает, что заявленный — тот, по которому принесена рекомендация, и точка. На мой взгляд, вторые читают закон правильно. Но как может быть, что два субъекта федерации читают закон по-разному?

Подмосковная точка зрения позволила спасти дом Стройбюро в Королеве (снесен в начале 2015 года в статусе регионального памятника. — *Ред.*), а в правовом поле Москвы, например — на территории «Новой Москвы» это было бы невозможно. Территория, отошедшая к «Новой Москве», попадает в худшую правовую ситуацию, в пространство вольных интерпретаций мэрии.

И еще один, может быть, специальный момент, на полях. Когда мы работали над поправками к 73-му закону (вступили в силу 22 января 2015 года. — *Ред.*), то обсуждали вопрос: определение территории памятника — это проектная работа или экспертная? Те самые поворотные точки? А определение зон охраны? Сейчас определение зон охраны — проектная работа, на которую дается экспертиза. Разве территории памятника должны определяться иначе?

Спасибо.

Л.И. ЛИФШИЦ:

Я бы сейчас попросил взять слово Александра Владимировича Попова. Нет, давайте так: сперва Владимир Иванович, а потом Александр Владимирович.

В.И. ПЛУЖНИКОВ:

К огорчению Льва Исааковича и остальных, я буду говорить не по делу, тем более, что я и не вхожу в число экспертов. Мне кажется, опасная атмосфера, которая в каждом докладе звучала, связана с климатом, который становится все гуще и зловоннее над нашими головами.

Здесь бы я хотел какие-то пояснения дать.

Думаю, что, может быть, в эти минуты как раз наш главный, наш

большой министр культуры, пришедший из Полтавы, который не свою кровотокающую родину защищает, а кропит потом своим трудовым докладом политологических наук российские просторы, включает в свой доклад, очень важный для них, доклад, который он отнесет, может быть, сегодня же президенту или завтра это сделает, цитаты иностранных философов, которые обрушиваются на толерантность и мультикультурность. Это очень возбудило вчера к ночи вот это самое руководство. И мне кажется, это очень важно, это то, что касается сильно затронутых тем и усугубляет неприятности наши.

При подготовке этих рекомендаций уже откровенно в воздухе посвистывают слова «Маски сброшены, наш враг — Америка, и мы должны сильно не походить на нее!». И старательно выискиваются выражения о том, что толерантность, фактически, и даже есть, и даже Маркузе (которого сегодня почему-то называют М'аркузе), и там даже есть ссылок на то, что толерантность на самом деле приканчивает национальные культуры.

Это очень странно.

И упор делается на традиционные наши ценности. Границы этой традиционности очень разные. Может быть, в числе традиций и то, что из разных конфессий силу обрела фактически одна, настолько сильная, что она часто не считается с законами, по крайней мере, в нашей области охраны, наверное, с градостроителями тоже.

Я сюда шел, с интересом думая, как все эти часы от 12 до 18 будут разнообразно заполнены памятью об Алексее Ильиче, и поэтому у меня эти мысли ломятся в мою черепную коробку.

Он начал работать в 1959 году с охраной памятников, но вся его траектория походила на трудно-достижимый земными людьми падающий путь инопланетных созданий. Поэтому он то приходил в администрирование, то уходил с более высоких должностей на более низкие, чтобы общаться со студентами и т.д.

Конец 1950-х годов. Кто приходил тогда в реставрацию и охрану, поражался, потрясался не просто свинским, а торжествующе свинским состоянием памятников церковной архитектуры, а старшие товарищи говорили, иронизируя, конечно, внося каплю здравого цинизма: «Что ты огорчаешься, революция открыла памятники народу».

Да, памятники стали показывать. Сейчас происходит противоположное что-то. И интеллигенция, которая сочувствовала памятникам как свидетелям, как долго раскрываемым (а раскрытие не включается в одну человеческую жизнь), раскрытию тайн, секретов, закономерностей, каких-то явлений, которые пока что не по нашему разуму, это сменяется оптимистической подачей хвастливого рекламного вытеснения истории, вытеснения подлинных свидетелей, хранителей исторической документации полными подделками.

Вот хотя бы на примере той же церковной архитектуры. В соседнем переулке здесь долго жил человек, который сейчас одна из правых рук нашего многопальцевого руководства РПЦ. И этот человек жил спокойно в доме, где живут актеры. И его не смущало, что дом стоит на руинах, на фундаменте церкви Спаса в Глинищах. А теперь все оскорбляет, все. По делу о «Пусси Райот» можно видеть, как спуска

два месяца человеку, у которого испарился угар и рассол, вспоминается цифра 30, они все требуют по 30 тыс. компенсации за моральное ущемление их сердца.

Так вот эти сильные люди требуют, чтобы церковь соответствовала званию невесты Христовой. Поэтому уходят многоцветные краски, о которых знают все историки архитектуры, как это менялось многоцветие, не говоря уже о золотистых с бирюзой церквах XII века Владимирских, или алые цвета в Спасском соборе Андроникова монастыря, или семицветия соседней церкви Рождества в Путинках, дальше красно-белые под голландскими и польскими влияниями конца XVII века постройки сменялись вишневыми и лазоревыми кафтанами гвардии XVIII века. Нет, все надо смыть и сделать церковь невестой христовой. т.е. фактически обрядить ее в саван.

Сменяются барочные главы эффектные на подобие детской клизмы, потому что так было.

Буквально в Москве, ну ладно далекие места, где бывший «браток» (это Иркутская область) заставляет реставратора заменить кирпичные старинные стенки на бетонные, где в окна той же церкви вставляются разноцветные стекла, как в замаскированном публичном доме Центральной комсомольской школы в Красной палате было сделано, требует, чтобы из одноглавой церкви делали пятиглавую церковь, потому что так солиднее, так патристичнее, так мы утрем нос Америке. Тем более, что при подготовке того куска, с которого я начал свое выступление, подчеркивалось, что маски сорваны, и мы должны противостоять Америке принципиально. И в этом тоже. Где не было пяти глав — чтобы их сделали.

Меняется опасным образом (благодаря переменам поколений, которые стоят у власти, которые привыкли к другим совсем взаимоотношениям и между собой, и между людьми, и вообще извлечению информации не из книг, а из интернета, например, из свода эксперт-служб), меняется значение слов.

«Реставрация», по-моему, идет в обнимку со скользким словом «реконструкция». В нашем детстве была реконструкция, скажем, садов Семирамиды, т.е. мы воображаем, как это выглядело.

Была и другая реконструкция — 1935 года генеральный план реконструкции Москвы. Между ними граница легко перекачивается, позволяет невеждам совмещать реконструкцию населенного пункта и вообще всей страны, перемещаться и поступать немножко так, как когда-то в 1954–1955 гг., на Целине безобразящий головы людей парикмахер говорил: «Да, я плохо стригу, но главное, чтобы не было войны!» И никто не мог возразить. И уходили искромсанные люди с этим.

Последний пример. Как меняются понятия. Например, один из лучших знатоков русского языка Бодуэн де Куртэнэ, в 1911 г. выпустивший очень компактный, очень хороший словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, определял слово «онкология» как науку о ногтях, а потом она оказалась другой.

Мне кажется, такие угрозы и у нас сейчас тоже.

А.В. ПОПОВ:

Ну, я тоже являюсь как бы экспертом, и обращения ко мне в основном такие: 99% речь идет о том, чтобы снять с учета. Да, а когда я говорю, что это невозможно сделать, они пропадают.

Но здесь совершенно ясно, что, действительно, двух точек зрения не может быть — гласность и только, все это выкладывать, и каждый ответственный будет перед тем, какую экспертизу он написал.

Наталья Олеговна немножко развернула эту тему в другую сторону, и я ее хотел бы тоже в эту сторону развернуть.

Вот сегодня мы смотрели фотографии памятников, и деревянных, и в стиле модерн, в основном, старую застройку.

И я хочу сказать, что, к сожалению, не заканчивается все на том, что экспертиза приняла решение, что это памятник, его надо сохранить и т.д. Дальше его надо каким-то образом сохранять. И вот здесь у нас происходит полный обвал.

В 1983 году мы с Алексеем Ильичом познакомились, и я написал статью. Называлась она «Беззащитные шедевры». Я говорил о том, что памятники гибнут от рук реставраторов. И на сегодня это приняло обвальный характер.

Наталья Олеговна начала говорить, я продолжу мысль, которую она сказала. Смотрите, у нас выдано было около 4000 лицензий. У нас в стране такого количества фирм не существует. Понятно, что это было сделано за деньги, что процентов 90 этих фирм — это однодневки, которые имели стол, стул, телефон, счет в банке, и они выигрывали тендеры, а сегодня это происходит — это норма. Тот, кто что-то может делать, он не может конкурировать на этом рынке, и вы понимаете, что выигрывают очень крупные строительные компании, которые понятия не имеют ни о какой реставрации, но у которых есть лицензия на все. Я постоянно об этом говорю, но мне говорят, да, но полицейские

функции — не наши функции. Тем не менее, если полицейские функции — не наши функции, зачем нужны лицензии тогда вообще? Я перечислю просто эти темы, без которых вообще все, о чем мы говорили, бессмысленно. Вот смотрите, вот конкурс. Ну, понятно, что конкурсы проходят таким образом, что выигрывают фирмы нужные. Условно говоря, допустим, в Кирилло-Белозерском конкурс проводит Москва, выигрывает Санкт-Петербург, а музей даже не подписывает акт выполненных работ. Дорогие друзья, приезжают люди какие-то, непонятно откуда, ничего не умеющие, подписываются процентовки где-то там, деньги переводятся из одного города в другой, а от памятника не остается ничего. Но это и понятно. С другой стороны, посмотрите, на самом деле у нас никто не готовит реставраторов — ни архитекторов, ни ремесленников. Вот те памятники, которые были перечислены — модерн, ведь чтобы привести в порядок эти памятники, нужно колоссальное количество специалистов, которые владеют ремеслами: каменное, плотницкое, столярное, кровельное, штукатурка, покраска, все-все. Но у нас этому не готовят нигде. Поэтому даже если мы прошли весь этот цикл, мы сохранили памятник, поставили на учет, сделали проект, но это отдельная история (Татьяна Ефимовна чуть-чуть сказала, но очень мало), то на этом этапе там точно ничего сделать не сможем вообще. Смотрите, сегодня начались аттестации. Вот сегодня Министерством культуры проводится одна из первых аттестация по ремесленникам. Я говорю: «Простите, ну, а как вы проводите аттестацию, если вы не учите их?»

Расскажу такой интересный кусочек из своей жизни.

Я имел квалификацию плотника 6 разряда в 1981 году.

Я говорю:

— Могу я получить?

— Можешь, подавай документы, но тебе надо пройти повышение квалификации.

— Хорошо, а где это нужно пройти?

— В 26-ом ПУ.

Я говорю:

— Ну, я там был, я смотрел, там в общем-то людей, которые... Нет, ну просто там вообще я увидел несколько пацанов, которые инструментами, которыми ничего нельзя сделать, пытаются что-то сделать. Мне тогда сказали так:

— Ну ладно, тебе можно сделать исключение, тебе можно не проходить повышение квалификации.

Понимаете, какая вещь: с одной стороны, вроде как смешно, с другой стороны, нет у нас сегодня заведения, где бы стали учить.

Наталья Олеговна свидетель: я пытаюсь уже который год пробиться в МАРХИ, я говорю: ребята, давайте я буду читать лекции, есть возможность показывать, у меня есть исторические инструменты с неолита до наших дней. Мне говорят: да-да. Но вот четвертый год пока ничего не получилось.

Но тогда, вы же понимаете, что все наши разговоры на эту тему замечательную, они...

Вот все этапы мы прошли, даже, предположим, мы сделали чудесный проект, а дальше-то что?

На этом этапе все, конец.

Наталья Владимировна Самовер мне в 2010 году прислала фотографию дома в Костромской губернии, Асташовых, роскошный дом такой. Она говорит: «Вот смотри, приехали люди, которые подрезают деревья».

Я говорю: «Замечательно, а дальше-то?»

Он, естественно, не памятник, его-таки не поставили до сих пор, кстати говоря.

Я говорю: «Ну, а делать-то кто это будет?»

И таких памятников, когда начали работать в Костромской области, их довольно большое количество такого уровня. Они все не памятники, они не стоят на учете и т.д.

Но нигде не готовят специалистов. Теперь дальше. Вот последний раз на методическом совете обсуждались проекты, которые в этом году должны быть запущены в производство, и Министерство культуры выделило на них деньги. Мне попался проект, Министерство культуры попросило сделать как бы экспертизу проекта, потому что экспертиза уже была, три человека уже подписали экспертизу.

Я посмотрел проект, звоню Лурье, говорю: «Все, что там написано, я считаю, что делать нельзя». Объясняю, почему. Я даже не смотрел заключение экспертов.

Он мне говорит: «Я с тобой согласен». Мы приходим на методический совет. Но, простите, эксперты дали заключение, методический совет вообще никто. Методический совет говорит: да, в общем.

А я сделал очень просто: я взял фотографии Прокудина-Горского с этого же места и сравнил проект. Сейчас электронно это просто все делается. Поставил, наложил на него пропорции: не те главы стоят, не на тех местах, они другой формы и т.д. и т.д. Здесь возразить-то просто нечего. А Министерство культуры говорит, что мы не знаем, что делать, или переделывать этот проект, или...

А деньги есть.

То есть все, кто говорил здесь, они говорят о том, что проблема существует. Но это целый комплекс проблем, и если не решать их в комплексе, то они неразрешимы. И сейчас подходит такая ситуация, что даже те, кто хоть что-то умеют делать, оказываются на обочине. И сегодня, как ни прискорбно говорить такую вещь, но деньги, которые выделяются Министерством культуры, практически идут на уничтожение этих памятников. Выделены средства, а я не видел памятников, которые были бы отреставрированы на эти деньги. Вот рядом город Белозерск, 1150 лет, провели реставрационные работы, губернатор просил денег. Но это просто деньги истрачены и все.

Существует такая организация «Наше дело», которые мне все время звонят. Они проводят консервационные работы на памятниках деревянной архитектуры по России, в основном, это северо-запад: Архангельская, Вологодская, Карелия и т.п. И они со мной частенько говорят. Я говорю: «Ребята, вы тратите свои деньги, свои силы, собираете деньги, для того чтобы сохранить эти памятники. Но вот государство выделяет деньги, они, может быть, недостаточные, но они на несколько порядков выше тех денег, которые есть сегодня у вас. И эти деньги уходят в никуда. Давайте объединим наши усилия, давайте контролировать то, на что были выделены деньги, и что в конце концов было сделано, результат».

Они: «Ну вроде бы да, вроде бы надо это делать, но мы не будем этого делать».

Теперь, смотрите, трижды на моем веку — 1970-е, 1980-е. и сейчас, 2000 годы существуют эти отряды,

которые пытаются проводить консервационные работы и т.д., но они наносят еще и ущерб этому всему. Единственное, на что мы способны на сегодняшний день — это вот это обсуждение на этом уровне. Дальше оно никуда не идет, к сожалению.

И вот на этой оптимистической ноте...

Спасибо.

В.П. ОРФИНСКИЙ:

Лев Исаакович, только у меня такая просьба. Я не совсем, может быть, впишусь в ту тему, которая начата. Но мне хотелось ответить на ту проблему, которую поднял Александр Владимирович, о «деревяшках». Дело в том, что человек, который послужил поводом нам собраться — Алексей Ильич — на мой взгляд, сказал самое главное, что начинать надо с памятника, который является эталоном, который задает тон.

Так вот первое, что меня поразило, когда Алексей Ильич сказал в 1990 году, когда Преображенский ансамбль, Кижский ансамбль был включен в список ЮНЕСКО, в число трех лучших памятников России, и включен был первым (наряду с центральными ансамблями двух столиц). Так вот, он сказал, что должны немедленно поставить вопрос о включение этого памятника в список объектов, находящихся в опасности. Такое право у ЮНЕСКО всегда существовало, и всегда этот список формально существовал.

И оказалось, что спустя много лет, в прошлом году, ЮНЕСКО официально пришло к такому же парадоксальному выводу. В Петрозаводске был объявлен сценарий ЮНЕСКО, которое потребовало,

чтобы государство, вносящее свой объект в список Всемирного наследия, одновременно представляло и план управления этим объектом, показывающий возможность его сохранения. Более того, было анонсировано, что объекты, уже включенные в список, но не имеющие такого плана, должны быть из него исключены.

На сегодняшний день сложилась достаточно страшная картина: из всех российских объектов, включенных ЮНЕСКО, только один объект имеет план, одобренный ЮНЕСКО. Только один. Это Преображенский ансамбль, Кижский погост в целом. Этот план был действительно одобрен, его разбирали на семинаре. Но, в принципе-то, это то же самое, что в свое время сказал Алексей Ильич.

Деньги тратим огромные, причем расходуют деньги странно. Особенно, когда за рецензии, за экспертизы платят заинтересованные люди, когда они могут заказать что угодно и когда мы получаем действительно добро на уничтожение памятников. Это особый вопрос. Это особенно больно в провинции. Последнее время мы не выходим из судов, когда приходится оспаривать.

Я хочу вернуться к тому, что предложил Алексей Ильич.

Что страшно? Да, сейчас, предположим, этот объект пользуется особыми правами как эталонный объект, как дважды защищенный: помимо того, что он входит в состав объектов ЮНЕСКО, он является особо ценным объектом культурного наследия народов РФ. Может, ему и будут выделены какие-то суммы. Но будут ли они в этом случае использованы по назначению или, как говорит Александр Владимирович, для уничтожения памятника?

И вот сейчас музей Кижского, все, кто заинтересован в сохранении деревянного зодчества, я повторяю, деревянного зодчества, потому что сейчас это лучший и самый сложный памятник деревянного зодчества, который находится в очень тяжелом состоянии. Оно вызывает сомнения в сильном коллективе, объединяющем людей, преданных своему делу (всякий островной музей — это особое государство, ну ясно). Там люди явно неслучайные, они болеют за свое дело. И вот сейчас они не знают, чем все это закончится, история тендеров, выигрыш тендера — и объект переходит кому-то другому. А кто-то другой справится с этим объектом? Поэтому хотел показать кое-что, что делается сейчас в Кижках, чтобы была рабочая съемка, видеодневник реставратора, который сейчас предлагает сделать то, что в свое время предлагал сделать Алексей Ильич: не просто реставрировать формально, не просто выполнить некие формальные требования, а обеспечить существование проекта, обеспечить главное — чтобы была доказана рациональность, возможность выполнения предложенной технологии лифтинга.

Другими словами, показать то, на что тратятся огромные деньги, непропорционально большие деньги, может, даже недоступные для государства деньги. Если бы все объекты так же финансировались, то у нас не хватило бы никакого бюджета. Но тогда вопрос, что нам нужно делать, если мы тратим деньги на уничтожение и не в состоянии сделать то, что нужно.

Другими словами, угроза, стоящая над главным памятником, над самым сложным памятником висит, нарастает. Как происходит тендер,

мы знаем; и в случае нового тендера, кто будет вести работы, мы не знаем, и не знаем, справится он или нет. И поэтому хотелось бы, чтобы прежде всего посмотрели документы о том, как делается, решается самая сложная инженерная задача в мире, спасается, реально спасается памятник деревянного зодчества. Не на словах, а прямо, факт, видеоряд.

Я хотел показать всем, что делается с главным памятником страны, проект реставрации которого в настоящее время является единственным выполненным требованием ЮНЕСКО.

Л.И. ЛИФШИЦ:

Есть такое предложение: давайте мы совместим это с Вашим выступлением на церемонии награждения. Если вы согласны, тогда я не прерываю вас.

В.П. ОРФИНСКИЙ:

Я не настаиваю ни в коем случае. Тогда только одно пожелание, чтобы, решая вопрос об экспертизе, все-таки договаривались, кто заказывает и проверяет экспертизу. Если это будет делать заинтересованное лицо, застройщики, которые утверждают, что пересмотр зон охраны — это единственный путь сохранения бизнеса, то тогда экспертизы просто не будет. Если же экспертиза будет, в конце концов, ее заказчиком может быть любой нейтральный человек. Пусть деньги платят они, действительно, у бюджета на многое не хватит денег. Но чтобы проверяли, утверждали экспертизу только квалифицированные специалисты. Экспертов в провинции мало, экспертные советы из энтузиастов, поживших и знающих досконально,

существуют, но они не участвуют в решениях, в рассмотрении вопросов для своих районов, где они могли бы сказать о ситуации. Кстати, главным доводом в пользу включения Кижского погоста в список ЮНЕСКО было то, что Кижы рассматриваются жителями Карелии как восьмое чудо света, и поэтому они (жители Карелии) могли бы обеспечить контроль, как, вероятно, и жители любого региона, которые в состоянии обеспечить контроль за сохранением главных своих объектов. Ну, это так, маленькое предложение. Спасибо.

И.Н. ШУРГИН:

Я не эксперт, поэтому не буду касаться тех этических сторон экспертизы сегодняшней в нашей области, о которой вот уже почти два часа шел разговор. Это всем хорошо известно. Я хочу сказать о другом, чего коснулся немножко Александр Владимирович Попов. Что такое профессионализм эксперта, вообще профессионализм в реставрации и в любом другом деле? Это знания и опыт. Когда я 45 лет назад пришел в реставрацию и начинал знакомиться с этим делом под руководством Александра Викторовича Ополовникова, который как раз очень заботился о воспитании именно реставраторов, то было три источника приобретения и знания, и опыта. Это, естественно, литература, это памятник (самый главный источник) и мастера, которые работали на этом памятнике. Они не знали исторических технологий, но это были высококлассные плотники. Я говорю о деревянном зодчестве.

Прошло 45 лет, но это еще и раньше случилось, сегодня осталось два источника — это литература и памятник. Мастеров, у которых можно было бы набраться ремесленного опыта, сегодня нет. Вместе с тем, когда мы общаемся с коллегами в Норвегии (в международном центре по реставрации деревянного зодчества), то там приходится от архитекторов, от исследователей слышать, что изучать памятник в процессе реставрации — это дело того реставратора, который работает руками на этом памятнике, и специалист с высшим образованием, так сказать, фиксирует и вводит те знания, которые дает ему реставратор-практик, в научный оборот. У нас эта система сегодня отсутствует.

Теперь, как мы сегодня можем получить знание и опыт из тех двух источников, которые остались? Книг сейчас немножко стало больше, но опыт-то набирается тоже в практике изучения памятников. Сколько сегодня памятников реставрируется?

Вот, наверное, многие знают, есть такая организация «Архивуд», которая проводит выставки ежегодные. В этом году они решили раздел посвятить реставрации. Они с трудом набрали пять объектов, которые закончены полностью с проектными осуществлениями. Срок был — представить работы четырех последних лет. То есть, несмотря на огромные в общем-то деньги, которые выделяются, результат мизерный. Дело в том, что благодаря этому нигде набираться и опыта. Отсюда я как бы делаю вывод: профессионализм как таковой сегодня почти что утрачен.

Есть Александр Владимирович Попов, к которому приходят учиться

энтузиасты, чудаки-ребята, со стороны только так это можно оценивать. Мы работаем, наши фирмы все знают, кто это. И все. И говорить о каком-то профессионализме, о какой-то, ну что ли, уже ответственности профессиональной мне представляется не то что бессмысленным, но очень, мягко говоря, проблематичным.

Вот это все, о чем я хотел сказать. Думал немножко более пространно, но об этом уже говорили. Вместе с тем были затронуты две темы, которых мне тоже хочется немного коснуться.

Первая тема касается организации сегодня экспертного сообщества. Я в первый раз услышал, что у нас только экспертов в нашей области почти 500 человек. Я даже не знаю, откуда их столько взялось, и при этом эти эксперты — своего рода каста. Формализация и бюрократизация нашей жизни дошли и до реставрации. Это есть результат процесса общегосударственного. Чем сегодняшняя ситуация отличается от ситуации 1980-х годов, естественно, более ранних? Эксперты того времени, это были люди, обладавшие не документом о том, что они эксперты, а тем общественным авторитетом, о котором говорила Наталья Олеговна. И мало того, всем, наверное, хорошо известный человек, столетие со дня рождения которого в этом году отмечается, Лев Артурович Давид, входил в совет самого низшего уровня, он его возглавлял в организации, где работал (ЦНРПМ теперешние). И он же был одним из ведущих специалистов самого высшего совета, который сначала входил в систему Академии наук, а потом в Министерство культуры. И, извините, ни тот методсовет, ни методический

совет более низшего уровня — они не обладали никакими правами, кроме рекомендательных. Но авторитет специалистов, которые входили в эти советы, был настолько высоким, что не нужно было никаких других решений.

И как была организована работа: не эксперт представлял на методический совет материал, а методсовет и любой другой общественный орган, любой совет, центрального совета ВООПИиК, методсоветы городские, Мосгорнаследие и т.д., то что мы теперь называем региональными, они давали экспертам к рассмотрению документацию для того, чтобы иметь более глубокое представление о документации и о памятнике, чем его можно получить в момент заседания. И они рассматривали, кому что можно дать.

Сегодня, с моей точки зрения, вообще совершенно порочная система, когда заказчик оплачивает экспертизу. Какой бы он хороший ни был, но все равно, я не представляю заказчика, который не скажет, что он хочет получить от эксперта. И естественно, финансироваться экспертиза должна из независимого отдельного источника, бюджетного или внебюджетного органа. Вот эти самые потенциальные пользователи памятников, они платят налог и аренду, вот какой-то процент этой аренды должен идти, условно говоря, в общий котел, из которого оплачивается экспертиза.

И, наконец, последнее, о чем сегодня не говорилось, но что в самом ближайшем времени, если на это не обратить внимание, если не вмешаться в это самым серьезным, глубоким и активным образом, вообще сведет экспертизу к тому, что нам больше не о чем будет говорить.

Вот готовятся сейчас «Национальные стандарты РФ в области реставрации». Я просто один взял с собой для примера. Они еще не приняты, к счастью, но полным ходом идет разработка и обсуждение. Вот я читаю: проведение обмерных и инженерных геодезических работ на объектах культурного наследия.

Все знают, что такое обмерные работы на памятнике архитектуры. Это процесс натурального исследования памятника, это то, о чем я говорил, тот источник знания и опыта, который ничем нельзя заменить, вот отсюда потом данные переходят в литературу, в научные статьи и публикации. Но никогда обмер и геодезия (чисто инженерная задача) в реставрации не соединялись. Потому что геодезия — это техническое средство, в одном случае оно нужно, в другом не нужно.

Я уж не говорю о том, что сегодня требования государственной экспертизы, не нашей вот ведомственной, а государственной экспертизы обросло такими условиями, за которыми собственно наша научная сторона работы исчезает полностью. Если мы примем вот этот и еще ряд документов (это я один для примера взял), то тогда научная сторона реставрации исчезнет вообще, и говорить будет больше не о чем. Последнее. Я немножко сегодня опоздал, но когда зашел, разговор шел о том, что у нас нет списков памятников, что они не обнародованы. Два года назад мы говорили о том, что необходим список памятников деревянного зодчества, федеральный список, а министерство говорит, что его нельзя сделать. Но воз и ныне там.

Вот как мы представляем, что наше уважаемое собрание действительно

представит свои соображения руководству, и это руководство, ну хотя бы в присутствии избранных членов нашего собрания, это предложение рассмотрит?

Л.И. ЛИФШИЦ:

Я бы перед тем, как взять на себя сложную задачу подведения кратких итогов, хотел бы все-таки спросить: Анна Алексеевна, вы что-нибудь хотите сказать или будете говорить уже на торжественной части?

А.А. ДАВЫДОВА:

Самое главное — у нас в Нижнем Новгороде появились аттестованные эксперты. Общественность очень сильно обрадовалась, думая, что это механизм, с помощью которого мы могли бы ставить на охрану объекты культурного наследия, которые находятся под угрозой. В основном, это объекты, обладающие признаками объектов культурного наследия.

Но, к огромному сожалению, у нас в городе и в области политика государственного органа в сфере охраны объектов культурного наследия такова, что в течение 2012 года у нас было сделано порядка пяти положительных историко-культурных экспертиз на включение в памятники, ни один из этих объектов в реестр не попал, и три из них были снесены.

Почему? Потому что управление занимает такую позицию — они начинают войну экспертиз, сразу заказывается отрицательная контрэкспертиза. К сожалению, есть такие эксперты, я даже скажу, например, «Экспертиза Поволжья», которая по заказу управления госохраны или с подачи управления госохраны это делает. Например, есть заинтере-

ресованный застройщик, с заведомо отрицательным результатом заказывается экспертиза, и дома сносятся.

Хотели мы свою позицию отстаивать в суде, но суд (нижегородский областной суд) сделал вывод, что как раз полномочия решать, чья экспертиза — положительная или отрицательная — выше, и имеет ли объект историко-культурную ценность или не имеет, должны выносить органы охраны объектов культурного наследия, то есть это его прерогатива, его полномочия, а не суда, и не каких-то других экспертно-методических советов и всего прочего. А мы от управления все время получаем отрицательные заключения на экспертизу и отрицательную экспертизу, а потом выносят постановление об отказе включения этих объектов в реестр. То есть у нас ситуация достаточно сложная.

А.А. НИКИФОРОВ:

Я являюсь действующим экспертом руководящего комитета по охране культурного наследия и ландшафтов Совета Европы. Тоже участвовал в международных экспертизах. И я хотел бы сказать — когда участвуют в экспертизе, первое и обязательное — это кодекс этики эксперта, он существует и подписывается обязательно, это первое. Второе, конечно, экспертиза оформляется так, что заказчик не общается с экспертом и просто перечисляет деньги соответствующему органу охраны памятников, который подбирает экспертов из тех, которые аттестованы. Но у них это называется не аттестация, потому что, действительно, как сказал Рустам Рахматуллин, как можно человеку сказать: эксперт

он или не эксперт? Это на самом деле не аттестация знаний, не проверка знаний, а аккредитация, по-хорошему. Поэтому мне кажется, мы должны переходить на аккредитацию государственных экспертов историко-культурной экспертизы. Тогда можно и отобрать, тогда можно предъявить какие-то претензии. Потому что говорить: ты эксперт, а ты не эксперт, я аттестован, а ты не аттестован — это полная ерунда. Второй момент. Так как мы вспоминаем Алексея Ильича, у него было две мечты. Он всегда говорил: в большинстве стран Европы и включение в реестр, и исключение из реестра — это коллегиальные решения, т.е. в каждом субъекте федерации существует коллегия, эта коллегия прозрачная, понимаемая, выбираемая из людей. И здесь для объекта, обладающего признаками ОКН, есть заключение экспертизы, а процедура включения выявленного объекта или не включения — только коллегиально. Тогда получится возможность выезда специалистов. Я помню, что в Вологодском совете присутствовали уже упомянутые покойные сейчас Альшуллер, Сергей Сергеевич [Подъяпольский] выезжал в Смоленск. Если бы он был жив, и рассмотрение было бы коллегиальным, никогда бы не было, возможно, того, что происходит. Я до сих пор считаю, что у нас нет по настоящему государственной экспертизы, она у нас псевдогосударственная. Она не позволяет обеспечить, собственно говоря, те принципы, которые в ней заложены, объективные и прозрачные и т.д. И второе. Безусловно, она на две трети состоит из искусствоведческой экспертизы. Это тоже всем понятно. Есть два нюанса, связанные с

проектами реставрации и зонами охраны, все остальное связано именно с оценкой ценности с точки зрения истории архитектуры и культурологии. Поэтому должно быть достаточно жестко, не знаю, там сейчас есть какая-то комиссия аттестационная, которая говорит — ты хороший, я плохой, в основном, какие-то чиновники, чтобы они просто не давали возможности аттестоваться тем, кто не является специалистом в этой категории. Но тенденция такова, что нужна массовость, чтобы было как можно больше экспертов в разных регионах. Публикация на сайте акта экспертизы тоже ничего не даст, вопрос, мне кажется, такой сомнительный.

Поэтому три момента я бы хотел, чтобы были отмечены. Все-таки кодекс этики нужен, потому что он как-то стимулирует самого эксперта. Второе — нужно переходить на аккредитацию, наверное, но с возможностью прописки внесения изменения в положение об этой экспертизе. И третье. Это, конечно, образование. Я просто видел акты экспертизы, они безграмотные, просто с ошибками грамматическими. Это подписано экспертами. Сейчас есть еще более страшная вещь. Не буду затрагивать вопрос, связанный с новыми ГОСТами, по которым теперь реставрация будет проходить, это отдельная тема. Но есть нюанс. Утверждение «предметов охраны», которые вывешены на сайте Министерства культуры. Откройте там в документах и почитайте. Предмет охраны усадьбы Ясной Поляны — гладь пруда. В принципе это плевков не только Алексею Ильичу, а всем вообще, кто считается специалистом в этой сфере, понимаете?

Там их много, они сейчас массово просто утверждаются, предметы охраны. Посмотрите, там есть предмет охраны — гвоздь, где-то есть дверь, где-то нет двери, но есть окно. Это дегенерация памятника, т.е. не оценка целостности его, а наоборот, его расчленение, саморазрушение. И кроме как института нашего, корпуса коллег, повлиять на это некому, поскольку это всем нравится. Наоборот, сейчас считается, что Министерство культуры утвердило много предметов охраны. Оно утверждает федеральные памятники, а региональные берут все под кальку, под копируку, поэтому смотришь и думаешь: неужели этот дом вдруг ни с того ни с сего потерял всю свою ценность, и оказалось, что в восьмом углу левый гвоздь является предметом охраны, все остальное можно снести после этого. Может быть, по этому поводу можно отдельно собраться, но какая-то позиция института и нас может быть выработана, потому что это просто безграмотно.

У Алексея Ильича была еще одна мечта — о самостоятельном органе охраны памятников в стране, и еще, желательно, культурного и природного наследия. Но пока был создан только институт культурного и природного наследия. А такого самостоятельного органа нет. Поэтому мы как бы разрываемся противоречиями.

Извините, что я задержал время.

Г.В. СЕМЕНОВА:

Еще раз хочу подчеркнуть значимость института государственных экспертов, или просто экспертов, или государственных экспертов. Если вы вспомните текст закона об объектах наследия, там 70% всей деятельности, связанной с охраной

наследия, с выявлением охраны наследия, связано с оценкой эксперта. И когда на разных стадиях рассмотрения в общественных местах спрашивали: ну, а как вот, есть критерии отнесения памятника к федеральным, и вообще — памятник это или не памятник, кто это решает?

Ответ один — это решает только эксперт.

Эксперт решает: памятник — не памятник, какая у него значимость, и какой у него предмет охраны, и какая у него территория, и какой режим должен быть на территории приснопамятного достопримечательного места, о котором сейчас здесь говорили. Ведь там не просто сказано, что разрешается строительство, там говорится «установление особого режима», а режим устанавливает тот же самый эксперт, который вносит предложение об объявлении этого объекта достопримечательным местом. И совсем необязательно, что там должна быть территория для застройки и бесконечного количества этажей, может быть, вообще нет территории для застройки, так тоже бывает, это особый режим достопримечательного места, и тогда оно становится заповедником. Но это к слову.

Я хочу сказать, что, конечно, судя по накалу страстей, который сейчас был, и, действительно очень серьезных проблем, которые возникли в самом институте государственных экспертов, наверное, действительно, уже настала необходимость обратиться в Министерство культуры с просьбой внести в правительство предложение о внесении изменений в положение о государственной экспертизе. Поскольку закон не ограничивает, там просто написано, что деятельность проведения госэкспертизы определяется

постановлением правительства. Никаких рамок — что можно, что нельзя, кто является, кто не является экспертом, там нет, поэтому свобода! Как считает правительство, т.е., говоря другим языком, органы охраны наследия, которым сейчас является министерство. Они правят бал, они вносят те нормы, которые необходимы. И, конечно, нужно просить внести процедуру отзыва эксперта, его аттестации.

Ну, и заканчивая это короткое слово, я не буду говорить, какие предложения нужно вносить, это мы потом, наверное, сформулируем. Но вот много раз, на многих совещаниях я говорила о том, что существует указ президента, в котором указываются те нормативы, по которым оценивается деятельность губернатора, вообще руководителей субъекта федерации. Конечно, деятельность по охране наследия там отсутствует напрочь. Но вот, может быть, надо внести в этот указ, в оценку деятельности губернаторов эту норму — как у него обстоит дело с охраной наследия, какое состояние памятников, сколько выделено средств на реставрацию, есть ли органы охраны профессиональные. Может быть, это тоже в какой-то степени сдвинет ситуацию с мертвой точки. Спасибо.

Л.И. ЛИФШИЦ:

Я постараюсь быть максимально кратким, заключая нашу двухчасовую, даже не двухчасовую — трехчасовую, — так быстро и незаметно для меня лично пролетевшую дискуссию, очень напряженную, очень интересную.

Во-первых, я думаю, что, конечно же, одномоментно подвести итог тому, о чем мы сегодня говорили,

невозможно. Поэтому я прошу разрешения уважаемого собрания, поскольку велась запись, доверить членам оргкомитета и членам жюри сделать содержательную выборку из материалов Круглого стола, систематизировать все сказанное о животрепещущих проблемах, которые здесь обсуждались, и выработать на их основании Резолюцию с конкретными предложениями. Мы вывесим её на сайте Института, где прошел этот круглый стол, естественно, сформулировав достаточно конструктивно её положения. Необходимо этот материал направить в Министерство культуры, вероятно, в Общественную Палату и в Комитет по культуре Государственной думы, а также В.И. Толстому, советнику президента по культуре.

Тем не менее, основные моменты того, о чем мы сегодня говорили, я хочу назвать. Прежде всего, необходимость обеспечить прозрачность проведения экспертизы. Главное условие для этого — обсуждение результатов экспертиз при обязательном соблюдении коллегиальности. Важнейшее условие — создание работающей коллегии из самых авторитетных и уважаемых экспертов, которая должна быть наделена правом затребовать и рассматривать все экспертизы по наиболее сложным и спорным вопросам. Результаты таких рассмотрений должны предаваться гласности. Возможно, следует предусмотреть проведение записи, видеосъемки обсуждения, чтобы этот живой процесс на всех уровнях действительно мог быть фиксирован, чтобы здесь были исключены возможности любого подлога, любых изменений, о которых мы сегодня слышали из уст уважаемой Ирины Михайловны

Смирновой и других наших с вами коллег.

Конечно же, должна быть четко обоснована и сформулирована процедура отзывов. Нам необходимо выработать Этический кодекс эксперта — документ, в основу которого должны быть положены аналогичные международные документы.

Ещё одна важнейшая проблема — наличие хорошо отрегулированного механизма взаимоотношений экспертного сообщества и Методического совета Министерства культуры, о котором говорил Рустам Эврикович.

Вы все хорошо знаете, что федеральный Методсовет фактически не работает. За все время пребывания на своей должности нового министра (это и при А.А. Авдееве тянулось так едва-едва), он ни разу не собрал не то что все сообщество, но и президиум Методсовета. Ни разу! Мы работаем в основном по секциям, когда нас просят высказать свое мнение по конкретным вопросам, что, конечно, важно. Но мы не решаем проблемы стратегии ведения реставрационных работ, работ по охране памятников. Что, как можно было услышать и увидеть в процессе сегодняшнего разговора, приводит к разрушению материальной инфраструктуры

культурного наследия России. Это глобальная проблема, и к ней, естественно, надо именно так и подходить. Нам надо требовать, чтобы Министерство культуры выступило в качестве заказчика методических документов, которые должны определять основные направления его деятельности в этой сфере. Я уже говорил во вступительном слове, что у нас есть Положение об экспертизе, но нет методических требований и пособий, регулирующих проведения экспертных действий, которые бы определяли и весь процесс, и словесность, и заостряли внимание экспертов на наиболее актуальных, наиболее сложных проблемах.

Я не буду продолжать перечисление всех проблем, мы здесь и без этого достаточно много говорили о них.

Я просто еще раз хочу сказать, что мы постараемся не забыть ни одного из тех аспектов, о которых здесь речь велась на протяжении трех часов. Конечно же, наши возможности весьма ограничены, но то, что мы можем делать, мы должны делать и, конечно, будем делать.

Спасибо.

А теперь у нас должен быть небольшой кофе-брейк, и мы с вами будем уже переходить к другим разделам программы сегодняшнего дня.

РЕШЕНИЕ ПО ИТОГАМ «КРУГЛОГО СТОЛА»: «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ»

Комитет Премии имени Алексея Комеча.
Государственный институт искусствознания,
Москва, 15 апреля 2014 г.

ПРЕАМБУЛА

1. Экспертная деятельность — область специальных научных исследований, связанных с определением историко-культурной ценности и значимости движимого и недвижимого культурного наследия России. Осуществление ее — компетенция высококвалифицированных специалистов, имеющих соответствующее образование, многолетний опыт работы в области истории искусств, культурологии, охраны наследия, краеведения, хранения, реставрации и консервации памятников истории и культуры, пользующихся безусловным авторитетом в профессиональном сообществе. Важнейшим требованием, предъявляемым к экспертам, — их независимость от лиц и организаций, заинтересованных в том или ином решении проблемы, поскольку оно напрямую связано с выводами экспертного заключения.
2. В свою очередь, соответственно этим требованиям должна быть построена система организации процедуры экспертиз и ее методология, которые обеспечивают и гарантируют как независимость экспертов, так и объективность представляемых ими заключений.
3. Экспертная деятельность базируется на целостной системе принципов, выработанных на протяжении десятилетий международным научно-экспертным сообществом, которое занимается вопросами охраны и реставрации памятников, проектной деятельностью, а также философами, культурологами, антропологами, социологами и политиками. Эти принципы закреплены в ряде международных документов — хартиях и декларациях, разработанных под патронажем ЮНЕСКО и принятых практически во всех странах мира как основа для практического воплощения в конкретных проектах.
4. Экспертиза состоит в определении значимости и ценности каждого аспекта (пласта) ценностной структуры исследуемого экспертом отдельного объекта, группы памятников, комплекса (ансамбля), планировочной структуры, оценке их подлинности и цельности, состояния сохранности авторского замысла, аутентичного материала и окружения памятника.
5. Экспертное заключение определяет принципиальные решения, принимаемые по каждому конкретному вопросу соответствующими уполномоченными государственными и муниципальными органами в рамках существующего законодательства (№73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»); с нее начинается научно-проектная работа реставраторов и планировочная деятельность архитекторов.

КОНСТАТИРУЮЩАЯ ЧАСТЬ

1. В настоящий момент нет единства в требованиях, предъявляемых к государственной экспертизе Министерством культуры РФ и уполномоченными органами разных регионов страны.
2. Министерством культуры РФ не разработана научная методика проведения экспертиз, которая бы включала определение последовательности действий эксперта, поэтапное описание ее состава и перечень единых, общих для всех субъектов РФ требований, к ней предъявляемых.
3. Отсутствует прозрачность в деятельности экспертов и в принятии решений по результатам проведенных экспертиз.
4. Не отрегулирован характер взаимоотношений между заказчиками экспертиз, уполномоченными Госорганами и экспертами. Существующая система содержит положения, допускающие давление на экспертов, проявление коррупции при проведении экспертиз.
5. Отсутствует практика обсуждения экспертиз на расширенных экспертных советах.

РЕШЕНИЕ

1. В соответствии с существующей международной практикой, следует разработать и утвердить «Этический кодекс эксперта», который эксперт должен подписывать при вступлении в экспертное сообщество.
2. В Положение о государственной историко-культурной экспертизе должен быть внесен пункт, связанный с процедурой отзыва экспертов, замеченных в проведении непрофессиональных и ангажированных экспертиз, лишения их аккредитации. Такую процедуру следует проводить на расширенном заседании Экспертного совета, на который в данном случае возлагаются функции «Суда чести».
3. В силу важного общественного значения, акты историко-культурной экспертизы не могут являться коммерческой тайной. Экспертиза должна быть прозрачной, ее результаты с резюме экспертных советов необходимо размещать на сайте Министерства культуры РФ, где должны аккумулироваться и сведения о решениях, принимаемых в регионах. Соответственно, Положение о государственной экспертизе следует дополнить пунктом, обязывающим экспертов предоставлять материалы заключений для размещения на сайтах Министерства культуры РФ и региональных органов охраны культурного наследия.

4. Требование об обязательной публикации результатов экспертизы должно быть включено отдельным пунктом в Положение о государственной историко-культурной экспертизе.
5. Для обеспечения качества экспертной деятельности и единства требований, предъявляемых к экспертизе во всех субъектах Российской Федерации просить Министерство культуры РФ силами специализированных научно-реставрационных учреждений обеспечить разработку методики проведения экспертиз, включающую определение последовательности действий эксперта, поэлементное описание ее состава и формы акта экспертизы.
6. Для предупреждения коррупционных действий необходимо разработать систему, регулирующую оплату деятельности экспертов, включающую описание всех составляющих действий эксперта в зависимости от типа объекта культурного наследия, сетку тарифов их оплаты, определяющую верхнюю границу размеров гонорара. Просить Министерство культуры РФ обеспечить разработку данной системы специализированными научно-реставрационными учреждениями.
7. Для коллегиального обсуждения сложных или спорных экспертиз необходимо создание Экспертного Совета как независимого консультативного органа экспертного сообщества.

Контактная информация

Адрес оргкомитета Премии:

Москва, 109189, ул. Николаямская, 1
Всероссийская государственная
библиотека иностранной литературы
им. М.И. Рудомино.

Телефон:

+7(495) 915-36-21,

Факс: +7(495) 915-36-37

Светлана Сергеевна Ускова —
секретарь оргкомитета
Премии имени Алексея Комеча

E-mail:

premiya@libfl.ru

s.uskova@libfl.ru

Более подробная информация
о Премии и конкурсе,
а также форма конкурсной заявки
размещены на сайте
Премии им. Алексея Комеча по адресу:
http://awards.libfl.ru/alexey_komech/index.html